

Сюрприз заказывали?

Автор:

Ирина Быстрова

Сюрприз заказывали?

Ирина Быстрова

Яна Вересова знала, что имидж – это все. Муж и дочь были его важной частью, типа товарного знака. Ее интересовала только карьера, а муж следил за тем, чтобы ребенок был накормлен, обихожен и здоров. Это был справедливый бартер. Негласный договор неукоснительно соблюдался. Пока однажды утром Яна не обнаружила, что муж ее, Дмитрий Вересов, бесследно исчез из дома... Это исчезновение перевернуло всю ее жизнь, и женщина впервые увидела себя другими глазами.

Ирина Быстрова

Сюрприз заказывали?

Глава 1

Яна открыла глаза. Без четырех минут семь. Протянула руку и отключила будильник. Она терпеть не могла вставать по звонку и поэтому так натренировала свой организм, что просыпалась за несколько минут до сигнала, возвещающего начало нового дня. Но если приучить свои глаза открываться в нужное время Яне удалось, то заставить просыпаться одновременно с глазами все остальные части тела пока не получалось. Яна вздохнула, перевернулась на спину и потянулась. «Раз, два, три», – мысленно сосчитала она и рывком села. Взглянула в окно. Солнце. Это хорошо. Вчера целый день лил дождь. Казалось,

ему конца и края нет. А вон как все повернулось. Впрочем, для Питера в этом нет ничего удивительного. Погода здесь меняется по десять раз на день. Только что падал снег, а уже, смотрите-ка, жара подползает. И наоборот. Поэтому не забыть бы послушать метеопрогноз: надолго ль к нам солнце или так, подразнить?

Яна встала, подошла к окну и потянула на себя фрамугу. Тихо. Никого. Яна любила просыпаться в одиночестве. Никто не мешает раскачаться, никто не путается под ногами. Впрочем, в строгом смысле слова она не была сейчас одна. Дочь спала в своей комнате. Наверняка проспит до обеда. Каникулы. Чем ей еще заниматься? Она, правда, рвется работать. Зарабатывать. Чтобы были свои деньги. Как будто ей не хватает тех, которые дает Яна. Или отец. Но дочь желает самоутвердиться. Пускай. Хоть при деле будет. В дни летних каникул Яна часто ловила себя на мысли: чем заняты все эти мальчишки и девочки, толпами слоняющиеся по городу? Чем она, Яна, заполняла свое лето, когда училась в школе? Да ничем. Они с сестрой ездили на море, к бабушке. А там всегда находилось чем заняться. Подрабатывать? В голову не приходило. В этом смысле они были куда более инфантильными, чем современные дети.

Яна потянулась и почувствовала, что наконец-то включилась в новый день. Так, следующий пункт программы – зарядка. Вот только заправит постель... Зарядку Яна стала делать недавно. Вообще она никогда не думала, что дойдет до такого. Зарядка всегда казалась ей уделом толстых теток, которые только и думают о том, как бы избавиться от пары-тройки килограммов на бедрах. Для чего еще нужны все эти подпрыгивания и приседания? Яна не понимала этого до своей тридцать пятой весны. «Что это?» – однажды вздрогнула она, взглянув на себя в зеркало. Подошла поближе, прищурилась... Целлюлит, ей-богу, целлюлит. Когда прилип? Наверняка ведь не вчера. И еще руки – какая-то лишняя кожа от локтя и выше, там, где должны вырисовываться мышцы. Раньше такого не было. «Раньше, – подсказал внутренний голос, – тебе было двадцать». И Яна стала понемножку истязать себя под бодрый голос и улыбку Синди Кроуфорд с экрана.

Не ускользающая красота беспокоила ее. Яна боялась недомоганий, плохого самочувствия. Она не умела болеть. Она и не болела. Так, простуды, грипп, однажды сломала руку. И все. Она даже представить себе не могла, каково это – страдать чем-нибудь хроническим. Годами лечиться, надеяться и терять надежду, радоваться улучшениям и в то же время знать, что все это временно. Казалось, что подобное ей не под силу, а ведь с годами болезни становились все более вероятными. Тем более, если вспомнить про работу... Попаши, как она, –

вылезет какая угодно болячка. «Надо укреплять иммунитет, – советовали знакомые врачи. – Чтоб организм сам сопротивлялся». Зарядка стала первым этапом в деле укрепления иммунитета. И еще – биодобавки. И отказ от курения. Не то чтобы Яна дымила как паровоз, но, бывало, выкуривала сигаретку-две в день. Теперь и от них отказалась. Укреплять так укреплять. И Яна щелкнула пультом DVD-плеера.

Синди Кроуфорд махала ногами как заведенная. Но Яна не повторяла движения за ней – из всего комплекса она выбрала для своих утренних занятий только разминку и упражнения для рук. Синди Кроуфорд ей была нужна не для того, чтобы сверять свои движения с заданными, а для компании. В компании всегда веселее, особенно когда делаешь то, что тебе не очень нравится. Говорят, она должна втянуться и потом даже полюбить утреннюю гимнастику настолько, что, если пропустит хотя бы пару дней, почувствует нехватку движений. Яне все это казалось пустой болтовней. Она не втянулась, хотя общалась с Синди Кроуфорд уже целых семь месяцев. Ежедневно – кроме выходных.

Душ. Горячую воду уже отключили на профилактику. Хорошо, что технический прогресс продвинулся настолько, что изобрели бойлеры. А как люди жили раньше? Осматривая в турпоездках какие-нибудь развалины, Яна частенько недоумевала: как же можно было в этих условиях поддерживать чистоту жилища и тела? А потом спохватывалась: все дело в стандартах, тогда они были иными, чем сейчас. А стандарты откуда? Да все от того же прогресса. Придумали дезодоранты, и теперь чуть только пахнуло на тебя чужим потом, ты уже морщишь нос. А раньше все так пахли, и в этом, наверное, даже был свой особый шарм.

Яна вытерлась полотенцем, бросила взгляд в зеркало. Надо бы постричься. Как-то по-другому. Сменить имидж. Ничего кардинального, конечно, но не помешает хоть какой-то свежий штрих. Яна бросила полотенце на веревку и вышла из ванной комнаты.

Кофе сегодня был особенно вкусным. Он не всегда бывает таким. Плюс солнце. Значит, день задался. Незадавшиися дни узнаешь сразу же, не успев открыть глаза. Глухое раздражение, тревога – кажется, они сопровождали тебя всю ночь, с ними ты пробуждаешься, с ними проживаешь целый день, надеясь, что следующий будет совсем не таким. Яна научилась диагностировать, удачный или неудачный день ее ждет, по первой мысли, приходящей ей после пробуждения. «Как я устала» – предвещало начало дня утомительного,

беспросветного, бестолкового. Для хороших дней оставались все остальные мысли.

И вот что удивительно: удачный и неудачный дни могут в точности, в самых мелких деталях, походить друг на друга, но при этом быть абсолютно разными. В неудачный день все раздражает и заводит тебя, а в удачный то же самое просто смешит. В чем тут секрет, Яна не знала. Не успела додуматься. На все нужно время. Особенно на то, чтобы поразмыслить о жизни. А времени обычно катастрофически не хватает.

Будильник подтверждал это. Провозилась. Всего двадцать минут осталось на то, чтобы допить кофе, накраситься и одеться. Благо все поглажено с вечера. Два варианта: на дождливую и на солнечную погоду. Яна всегда так делала, чтобы не терять утром ни минуты драгоценного времени. Сегодня она надела белый лен. Впервые в этом сезоне.

Она вышла из квартиры в восемь десять. «Не забыть бы поговорить с шефом насчет отпуска», – подумала Яна и, закрыв входную дверь на верхний замок, уже было вставила ключ в нижний, но вовремя спохватилась. Здорово было бы, если бы она намертво заперла спящую дочь. Нижний замок можно было открыть только снаружи. Дочь, правда, подобным не испугаешь. Она найдет выход из любой ситуации. Позвонит подружкам, выбросит им ключ в окно – и те отопрут ее. А не доищется подружек, может и МЧС на ноги поставить. Дочь – особа весьма деловитая. И слава богу. При Янином подходе к жизни другая дочь была бы обузой. Возиться, сюсюкать, постоянно держать в голове все ее проблемы... Материнский инстинкт? Увольте. Яна им не страдала. Яна рожала не из-за него.

У нее был исключительно практический повод обзавестись ребенком. Ей хотелось, чтобы от нее все отстали. Женщина в своей жизни должна выполнить три задачи: стать женой, стать матерью, стать хозяйкой. Это – обязателька. Все остальное – по желанию. Хочешь карьеру – валяй. Хочешь самореализацию – тоже можно. Но только после того, как отчитаешься по первым трем позициям. А если не отчитаешься, начнут доставать: кто упреками, кто сочувствием. Яна довольно рано просекла все это. И для того, чтобы облегчить свою дальнейшую жизнь, быстренько провернула все три дельца. Вышла замуж, родила ребенка и создала домашнее хозяйство. Все сразу же заткнулись. После этого можно было спокойно заняться тем, что ее в действительности интересовало.

Дочь? Дочь воспитывал муж. Его материнского инстинкта с избытком хватило бы на десять семей. Яна участвовала только в решении глобальных вопросов. Обычно они были связаны с деньгами. И это понятно – главным добытчиком в семье всегда была она.

Муж работал менеджером в какой-то конторе, название которой Яна периодически забывала, получал небольшие деньги, зато мог свободно распоряжаться своим временем, что было ему на руку – ведь маленький, а затем большой ребенок требовал постоянной заботы и внимания. То своди ее в художку, то на английский, то на спорт. А еще дочь болела. Не часто, но тем не менее. Кто-то же должен был сидеть с ней. В последние годы супружеские роли претерпели серьезные изменения. В Яниной семье главой была она. Ведь глава – это тот, кто содержит, верно?

Зачем ей это было нужно? Ну, вышла замуж, ну, родила, чтоб все заткнулись. Потом ведь можно было развестись, отдать ребенка мужу – и все на этом. Свобода. Но нет, она тащила их за собой по жизни, оплачивала все их желания – зачем? Все предельно просто. Это был бартер. Одним своим присутствием в ее жизни они оказывали ей неоценимую услугу. Яна знала, что успехами в карьере она во многом обязана не своим способностям, а своему имиджу. Способности у нее были весьма средние. Но ведь пробиваются не талантливые, а расторопные. Те, кто вовремя понимает, что важно для того, чтобы пробиться. Яна знала, что имидж – это все. И тщательно лепила его. Муж и дочь были частью ее имиджа. Типа товарного знака. Вроде воздух, а весит. И за это она им платила. Деньгами. А что? Хорошая сделка, хоть и не скрепленная подписями и печатями. Никто, во всяком случае, пока не жаловался.

Сейчас одна из частей Яниного имиджа, у которой было имя, руки, ноги, голова и хорошо развитое чувство юмора, сладко спала в дальней комнате. «У нее ведь сегодня встреча по поводу подработки», – вспомнила Яна, спускаясь по лестнице. Ну и ладно. Это не ее проблема. Пусть муж разбирается. Муж, который уже умчался куда-то с утра пораньше.

Яна вышла во двор. С машиной все было в порядке. Нельзя, конечно, оставлять ее на ночь не на стоянке, дворик тот еще. Хотя по части машины Яна везунчик, тьфу-тьфу. Никаких аварий, поломок за последние три с половиной года. Никаких вообще эксцессов. Но искушать судьбу все же не следует – когда-то заканчивается любое везение.

Яна нырнула в салон и включила радио. Старичок Элтон Джон возник в эфире. «Believe...» – подпевала ему Яна, вырulingая на набережную. Вырулила и уткнулась носом в пробку. «Ладно, постоим», – подумала меланхолично. Ничего экстраординарного. Здесь всегда пробка в это время дня. С расчетом на это Яна и выезжала так рано.

От нечего делать она принялась рассматривать людей, стоявших на автобусной остановке. Усмехнулась. Плоская попа, короткие ножки, фиолетовые замшевые туфли – убожество. Ах да, фиолетовый платочек в тон туфлям. Она думает, что, нацепив эту дешевую полиэстеровую тряпку на шею, отвлекла внимание от своей неаппетитной попы и коротюсеньких ножек. Бедолажка!

Бедолажка внезапно повернулась, и Яна скользнула взглядом по ее лицу. Юная, розовая мордашка с огромными светлыми глазами. Яна почувствовала легкий укол в сердце. Молодость. У нее может не быть абсолютно ни одной привлекательной черты, кроме молодости, и она все равно имеет фору перед ней. Грустно... Что? – очнулась Яна. Грустно? С чего бы это? Позавидовала молоденькой дурочке с остановки? Чему позавидовала-то? Странно. День вроде начался удачно. И правильно, таким он и будет. А эта коротконогая забудется через пять минут.

Машина, стоявшая впереди, тронулась. Ну, вот и отлично.

На работу Яна доехала без приключений. О дурочке с остановки больше не вспоминала.

– Доброе утро, – подскочила при Янином появлении секретарша.

– Здравствуйте, Оксана, – кивнула Яна, проходя мимо секретарского стола и скрываясь в кабинете. – Кофе, как обычно, через полчаса.

Глава 2

«Меня зовут Олеся, – фыркнула про себя секретарша, – и я уже почти полгода работаю у вас, а вы все никак не запомните».

Нет, все-таки Яна – жаба. Причем конкретная. Не внешне, конечно, нет – внешностью ее Бог не обидел. Хороша собой, всегда с улыбкой, всегда вежлива до тошноты. «Повезло тебе, – завидовали Олеся девчонки из кадров, когда ее неожиданно перевели на это место, – она отличная баба, не то что наш Зверев». Зверев, конечно, полный отстой. Хам, каких еще поискать. И припадочный – чуть что, сразу орать. Яна казалась даром Божиим по сравнению с ним. Как выяснилось – только казалась.

Она и в самом деле ужасно вежлива. И все время улыбается. Вот только за этими вежливостями и улыбками не кроется ни грамма уважения к тебе или хотя бы простой человеческой симпатии. Ей наплевать на всех, кроме себя. И это жутко бесит.

«Брось придираться, – говорила Олеся сестра, – таких вокруг полным-полно. Тех, для кого интересы свои и своей семьи превыше всего». Олеся согласно кивала. И даже считала это естественным. Твои близкие и ты – вот центр Вселенной. Нормально. Типа биологического инстинкта выживания рода. Но вот только ей казалось, что для Яны семья находится среди тех, на кого наплевать. Муж-то точно.

Однажды Олеся видела его. Симпатичный, вменяемый мужчина. Шутит, говорит комплименты, смешно улыбается, как маленький ребенок – радостно-радостно. Странно, что такой, как он, смог ужиться с этим монстром в деловом костюме. Хотя мужики – страшно любопытный народец. Вон, например, муж Олесиной сестры, Андрюха, – тот сбежал из идеальной семьи, где все было поглажено, приготовлено и выстирано, к их Лизке, у которой в доме вечно все в дыму и опилках. «Хочу, – заявил, – приключений». Флаг ему в руки – приключений Лизка ему обеспечит до конца дней.

А Янин мужичонка, наверное, тащится от того, что позволили ему рядом с такой женщиной пожить да о ней позаботиться. Ничего эта жаба дома не делает, даже не знает, что у них там творится. Олеся сто раз слышала, как она разговаривает с ним по телефону, просто уму непостижимо! Олеся поначалу думала, что мужик Янин не работает.

Как на Западе. Говорят, у них модно, чтобы домохозяйкой становился муж. У нас не принято, ясное дело, потому что у наших мужиков перекося самооценка. Им самооценка дороже семейного благополучия. А тут на Олесиных глазах происходило непривычное, можно сказать, сверхъестественное – мужчина взял

на себя все заботы о доме, ребенке и самой жабе. И бросил для этого работу. Вскоре, правда, Олеся сообразила, что здорово заблуждалась.

Муж Яны еще и пахал в какой-то конторе. То есть работал столько же, сколько жена. А вечером возвращался домой и – к станку. Яна же или торчала в офисе до полуночи, или, покинув рабочее место, отправлялась развлекаться. То вечеринки какие-то, то концерты, то театральные премьеры. Брала ли с собой мужа? Иногда брала, когда ситуация требовала присутствия второй половины. Испытывала ли при этом удовольствие? Олеся не знала, не довелось наблюдать (рылом она не вышла для мероприятий, которые посещала жаба).

Поразительно, что именно таким бабам достаются порядочные мужики. Невозможно представить жабиного мужа гуляющим на стороне. Понятно, что все мужики гуляют, это закон. Но все равно его Олеся в роли гуляющего представить не могла. Хотя... случись такое, она бы порадовалась. За мужика – по-хорошему, за Яну – со злобинкой. Но это – из области фантастики. Так Янин мужик и состарится рядом с этой стервой, которая любит только себя.

Притворяется она, однако, отменно. Олеся тоже повелась на веселые ямочки, которые появлялись на Яниных щеках, когда та улыбалась. Щебетать начинала что-то про погоду и последние новости, Яна даже что-то ей отвечала на это, и Олеся это «что-то» принимала за искренний Янин интерес к своей персоне. Длилось такое чуть больше месяца. Прозрела Олеся внезапно. Не без помощи книжек о технологиях общения, которых читала в ту пору множество. Вгляделась как-то в Янины глаза и вздрогнула. «Не может быть!» – подумала Олеся и стала наблюдать за своей шефиной. Может, может, поняла она спустя несколько дней. Ничего в тех глазах не светилось, кроме равнодушия. Правда, мастерски замаскированного, тут Яне надо отдать должное. Настолько мастерски, что, похоже, мало кто понимал, что происходит на самом деле. Все покупались на ямочки и иронический, но дружелюбный прищур Яниных серых глаз, но Олеся-то видела, как быстро линял этот прищур, когда собеседник исчезал из поля зрения жабы. «Ей бы на сцену!» – частенько восклицала Олеся, когда рассказывала сестрице о Яне.

«Ты ей элементарно завидуешь», – изрекла однажды сестра. Олеся обиделась, набросилась на нее чуть ли не с кулаками, а потом села в уголочке и призадумалась. Завидует? Ну конечно! Завидует ее уму и практической сметке, ее умению пробиться в жизни, да мало ли чему! Жаба, как ни странно, нравится Олесе ужасно. Просто какое-то извращение! Но ведь она великолепна, за это и

нравится.

Сестра Олесина, правда, считала, что такими не становятся, а рождаются. Что если Олеся по происхождению своему из области средней статистики, а по сути шляпа из шляп, значит, это навечно. Олеся возражала: у жабы тоже совсем обычная семья, в смысле та, в которой она воспитывалась. Мама преподавала, папа работал где-то в порту начальником отдела или что-то в этом духе. Еще у жабы имелась сестра-близнец, ничем не примечательная особа. Олеся в такой же среде родилась и выросла, вот только отличалась от своей шефины, как бескрылая курица от быстрой чайки.

Не-ет, жаба не от рождения такая, жаба относится к той категории женщин, о которых на Западе говорят: self-made. А значит, Олеся тоже так сможет. И тоже станет умной, холодной, расчетливой и амбициозной. И рано или поздно наступит день, когда Олеся зайдет в кабинет к жабе, и та вскрикнет от удивления. И уж точно вспомнит, что никакая она не Оксана. Но для этого надо изрядно потрудиться. Почитать, что ли, до того момента, когда нужно будет нести жабе кофе? Олеся тяжело вздохнула, достала из ящика «От Золушки к успешной бизнес-леди» и погрузилась в чтение.

* * *

Яне было прекрасно известно, как на самом деле зовут секретаршу. Яна просто проверяла девчонку. Когда она взъерепенится? Когда не выдержит и рявкнет: «Да не Оксана я!»? Или не рявкнет, а тихонько, почти неслышно прошепчет? На что способна эта платиновая блондиночка со вздернутым носом? На полет или на ползание в пыли? Яна ставила на пыль. Все полгода, которые девица работала у нее, та никак не проявила себя. Сначала, правда, норовила залезть в душу. Разговорчики, комплиментики, даже какие-то откровения проскальзывали. Яна быстро это пресекла. Не хватало еще подружиться с секретаршей. Это – прямая дорога к всеобщему посмешищу. Это Яне совсем не нужно. Так что она подпустила в голос льда, а во взгляд усмешечки, и девчонка отстала. После чего надулась. Вот это уже было интересно. Куда заведет ее злость? Девчонка читала умные книжки, копила информацию, но как собиралась ею воспользоваться? Яна подумала, подумала и внезапно поняла: «Хочет стать такой, как я». И, помнится, рассмеялась тогда вслух.

Не получится – был ее приговор. Не та закваска. Спроси кто-нибудь у Яны, в чем именно «та закваска» должна выражаться, Яна не сообразила бы, что ответить. Она это чувствовала интуитивно. Ей достаточно было взглянуть на человека, чтобы сразу определить, на какой высоте он летает. Или если еще не летает, на какую способен подняться. У секретарши были куценькие крылышки – летать ей вообще трудно. Лучше бы и не пыталась. Бегала бы себе по земле, как сейчас, так было бы надежнее.

Хотя Яна уже и определила ее, но испытывать не прекратила. Хотелось проставить все точки и запятые в своем понимании этой блондиночки. Не потому, что девица была ей интересна, – просто игра такая у Яны. Сегодня девчонка почти дошла до точки кипения, подумала Яна, усаживаясь за стол и пододвигая к себе ежедневник. Завтра можно еще поджать. И здорово развлечься. Или обломаться. Ну нет, отрицательно покачала она головой в ответ на свои мысли. Обломаться вряд ли. Шансы ничтожные. Впрочем, зачем загадывать? Завтра и посмотрим.

Она пробежала глазами список дел на сегодня. Да уж. И все нужно было сделать еще вчера. Как обычно. Яна уже и не помнила, когда работала в медленном ритме. Наверное, в прошлой жизни. Впрочем, сегодня должно произойти нечто, что может существенно изменить запланированное течение дня. Или уже произошло? Надо бы проверить. И Яна сняла трубку телефона.

– «АСГ Корпорэйшн», Алина, доброе утро, – звонко проговорила в трубке референт генерального.

– Здравствуйте, Алина, – сказала Яна. – Как настроение?

– А, привет, – ответила Алина. – Настроение? В общем и в целом...

– Ясно, – сказала Яна. – Что нового?

– Нового? – переспросила Алина. – Да так... Алина обладала уникальным умением уходить от ответов на вопросы, но с Яной эти номера не проходили.

– Приехали? – спросила Яна.

- Что? – удивилась Алина.
- Я говорю: приехали? – повторила Яна, легонько улыбаясь.
- Кто? – В голосе Алины звучало искреннее недоумение.
- Хвалю за хорошую актерскую игру, – сказала Яна, – но ты не на ту напала.
- О чем ты? – продолжала валять дурака Алина.
- О господах из головняка, – ответила Яна. – Уже здесь? Или еще в гостинице?
- Слушай, Вересова, – вздохнула Алина, – откуда ты все знаешь? Кто тебе сказал?
- Да никто, – рассмеялась Яна.
- Ладно врать-то.
- Не веришь?
- Не верю.
- И напрасно. Так где они?
- Скоро будут.
- И сколько их? – не отставала Яна.
- Двое, – буркнула Алина.
- Кто?
- Рыбкин и Свирский. Только я тебя умоляю...

– Не беспокойся, – заверила Алину Яна, – буду молчать как рыба.

– Глубоководная?

– О'кей, – согласилась Яна, – глубоководнее не бывает.

И положила трубку. Улыбнулась. Потянулась. Значит, приехали все-таки.

«Головняком» она называла головной офис в Москве. Рыбкин служил в нем директором по развитию, Свирский – директором по финансам. Яна знала, зачем они приехали. Нет, ей действительно никто ничего не говорил. Она сама догадалась.

Она работала в этой компании уже одиннадцать лет. Пришла сюда простым бухгалтером по расчету заработной платы, а теперь вот госпожа финансовый директор. За эти годы Яна изучила среду вдоль и поперек. Могла предсказывать что угодно, начиная от динамики взаимных симпатий и антипатий в коллективе и заканчивая перспективами развития новых товаров и услуг. Всего-то надо было захотеть этому научиться. Не то чтобы Яне было интересно, не то чтобы она чувствовала себя неотъемлемой частью компании, нет, просто она отлично понимала, что информация – это главное. Любая информация. И поэтому еще в самые первые годы работы здесь превратилась в своеобразную антенну. Ловила, усваивала, анализировала, хранила. Чтобы в нужное время использовать. Вот сейчас это самое время и наступило.

Все, толком работать она сегодня не сможет. Да и не надо. Если все будет развиваться так, как она спрогнозировала, смысла в этой мышинной возне, которой она занималась, сидя на своей должности, уже никакого нет.

А если не будет? Такое тоже может случиться. У любого события есть два варианта развития: либо оно происходит, либо нет. Вот и Янины ожидания могут не оправдаться. Она уставилась в окно. Она уже не впервые думала об этом. Что, если она ошиблась? Неверно просчитала? И не впервые отвечала сама себе: ничего смертельного. Биться головой об стену или замирать от подавленности она не собирается. На случай провала у нее есть запасной вариант. У Яны всегда были запасные варианты. Она вообще не представляла себе, как можно жить без запасных вариантов. Это так... так... она заколебалась, подбирая подходящее слово. Это так по-детски. Вскричать: «Ах! Как же так?!» – и

всплеснуть руками. Нет, это не по ней.

А работать все равно надо. Хотя бы для того, чтобы чем-нибудь занять себя до того момента, когда жизнь повернется на сто восемьдесят градусов. Или на все триста шестьдесят? Яна немного поразмышляла над этим, потом поморщилась. На девяносто. По большому счету все останется в ее жизни по-прежнему. Она будет жить в том же городе, встречаться с теми же людьми. Да, перемена ее ждет серьезная, но не переворачивающая все с ног на голову. Компания ведь не занимается улучшением жизни своих сотрудников – компания думает в первую очередь о себе. Поэтому кардинальных перемен от нее не дождешься. Кардинальных перемен можно добиться только самостоятельно. Над этим Яна неустанно работала. То, что должно было произойти в ближайшие дни, было одной из ступеней на пути к осуществлению ее мечты. Медленно, да, конечно, медленно, что ж поделать? Быстро только блохи плодятся. Так, ладно, за дело – чтоб скоротать время в ожидании.

Яна еще раз пробежала глазами сегодняшний план. Это можно отложить на завтра, это – так, мелочовка, ее она прибережет для коротких передышек, которые Яна делала через каждые пятьдесят минут. А вот и то, что отнимет немало времени. Предварительный бюджет на следующий год. Что там наваяли ее замечательные подчиненные? Надо бы проверить. Ни разу еще не было так, чтобы правильно ее поняли и чтобы не наделали ошибок. Каких только нелепостей не находила Яна в прежних бюджетах. Просто уму непостижимо! Иногда мелькала мысль, что уже пора собирать эти перлы в коллекцию. Мелькала и тут же исчезала – да кому нужна такая коллекция? Это ведь только настоящий профессионал способен оценить, но настоящих профессионалов среди Яниных знакомых было маловато. Да и вообще – со знакомыми у нее было негусто. Некогда – вот и вся причина.

Яна разложила перед собой папки с бюджетом и углубилась в них. Работа муторная, требующая сверхъестественной концентрации – мир переставал существовать для нее в такие мгновения. Только она и только таблицы с цифрами. Как только начнешь вести цепочку расчетов, так и оторваться невозможно, чтобы не потерять мысль. До туалета не дойти, хорошо хоть кофе можно заказать секретарше. А вот и она. С чашкой.

– Спасибо, – сказала Яна.

И в этот момент пискнул ее мобильный. Эсэмэска.

– Вы свободны, – бросила Яна, не глядя на секретаршу.

«Ты помнишь?» – светилось на дисплее.

Яна усмехнулась. Молодец. Понял, что лучше ей об ЭТОМ напомнить. Иначе забудет, утонет в делах.

«Спасибо, что спросил», – ответила она.

«И?..» – Янин корреспондент был лаконичен.

«Все в силе», – набрала Яна и, не дожидаясь ответа, отложила телефон в сторону.

* * *

«Много бы я дала, чтобы залезть в ее мобильник», – подумала Олеся, выходя из кабинета.

Она не сомневалась, что эсэмэска, полученная жабой пару секунд назад, была от мужчины. Не от мужчины по имени «муж». Уж больно плотоядно жаба ухмылялась. Или «плотоядно» – неподходящее слово? Может, лучше сказать «сладострастно»?

Олеся была уверена, что у шефини есть любовник. Да что там уверена! Она знала. Слышала как-то, как Яна разговаривала по телефону с этим неизвестным мужиком. Договаривалась о свидании. Очень умело шифровалась, вроде как речь идет о деле, но Олесю не проведешь, она к тому времени жабины интонации научилась различать. У жабы было много голосов. Один – для мужа, другой – для дочери, третий – для матери, четвертый – для свекрови, пятый – для сестры, шестой – для подчиненных, седьмой – для вышестоящих... Утомишься перечислять. Как только она не путается? Вот Олеся только трехголоса: хорошее настроение, плохое настроение, никакое настроение. А жаба, та – артистка. Так вот, тот голос, которым жаба вещала тогда, был особенным. Ни на какой другой не похожим. Из чего Олеся заключила, что Яна разговаривает с сердечным другом. И все. Видеть его Олесе не довелось. И из-за

того, что жаба усиленно шифровалась, Олеся решила, что это кто-то из местных. Скорее всего, из власть предержащих. Ведь жаба ничего не делает просто так. И в постель она наверняка ложится исключительно из практических соображений. Может, именно потому ее карьера так стремительна? Кто-то, с кем Яна водила шуры-муры, тихонечко пропихивал ее вверх. Умная тетка, спору нет, но мало ли умных вокруг? Не все же сидят на теплых местах.

Кто же он? Кто-то из тех, кто сидит в Питере. Толстый и лысый Воронов? А что? Вице-президент же. Или Семенович из учредителей – громадный и волосатый. Или еще там, в совете директоров, есть Грибакин – бабник отъявленный, страшный как смертный грех. И старый. В постели, наверное, выглядит отвратительно. Олеся всегда при таких мыслях передергивало. Но иным Яниного любовника она себе не представляла. Молодым и красивым он быть не мог. По одной простой причине – молодых и красивых среди нужных людей не имелось.

Глава 3

Артем не был ни толст, ни лыс, ни стар. И никак не мог способствовать Яниному продвижению по службе. Работал он в той же компании, что и Яна, ведал региональными продажами. Был он высок, спортивен, в меру красив.

«Спасибо, что спросил».

Артем усмехнулся. Яна не кокетничала, он это знал. Она действительно могла забыть о договоренности. Заработалась бы и забыла. Сколько раз уже такое случалось. Он приезжает на место, а Яны нет. Начинает звонить ей, а она еще в своих делах, никак не может вынырнуть из них. Или не хочет?

Как ни крути, Яна – диктатор. Деспот с лицом Деми Мур. «Или так, как я хочу, или никак» – вот ее девиз. Если бы Артем знал, что она такая, никогда бы с ней не связался. Но когда он впервые увидел ее, подумал только: «Черт, ну и красotka!»

Ноги, фигура, глаза и все такое. В глазах помимо прочего еще и ум светился, и это сулило дополнительные удовольствия. Глупых женщин к тому времени Артем наелся досыта. Возможно, кому-то они и нравятся, но он от них уставал, причем практически при первой же встрече.

Вот только работали они в одной конторе и даже на одном этаже. Это было плохо. Артем никогда не заводил романов в фирме. А тут еще и жена его работала. Так что фирменные красотки могли рассчитывать с его стороны максимум на комплимент новой прическе или дополнительную улыбку в день рождения, не более того. Но с Яной все получилось по-другому.

Артем попал в эту компанию чуть более двух с половиной лет назад. Переманили его из прежней конторы. Посулили деньги. Немалые, иначе бы он не согласился трудиться с женой в одном коллективе. В общем, явился он в офис, огляделся, начал входить в курс дела. Яны не было. Яна отдыхала на море. Появилась только через две недели после его выхода на новую работу. «Черт, ну и красotka!» – подумал он, увидев ее. И в этот же момент решил наплевать на все свои прежние принципы.

Азарт подогревался еще и тем, что Яна выглядела крепостью неприступной. Уже через час после того, как их познакомили, Артем знал, что она примерная жена и мать, а спустя пару дней понял, что помимо этого – и завзятая карьеристка, и вместе с остальными принялся восхищаться тем, как ей удастся совмещать несовместимое. Это теперь уже он в курсе, что никакой она не совместитель, но тогда... тогда он приуныл. Совращать примерных жен Артему еще не доводилось, он их намеренно избегал, потому что возни много, а толку – ноль, плюс к этому нолю еще прилагаются непомерные угрызения совести, битье головой об стену и прочая муть. Не у него – у совращенной особы.

Когда он женился, полагал, что моногамия – это не смертельно, переживет, тем более что увлечен был своей будущей женой всерьез. Однако прошло время, влюбленность растаяла как утренний туман, остались сложные ежедневные отношения, которые вроде бы уже и разорвать неплохо, но почему-то никак не получается. О моногамии он вспоминал все реже и реже. Женщин в его жизни было немало. Но все – свободные. К чему забредать не на свою территорию и сбивать с пути истинного матерей семейств? Таков был его принцип, и согласно ему Яну следовало забыть в тот самый момент, когда Артему стало известно о ее семейном положении. Но что-то в нем воспротивилось такому простому решению. Сейчас он, пожалуй, мог бы сказать, что именно. Да, Яна

позиционировала себя как примерная жена и вроде держала себя соответственно, вот только за этим соответствием Артему сразу почудилось нечто противоречивое. Так оно и оказалось.

Он пустил в ход весь свой арсенал обольщения. Однако Яна колебалась, долго колебалась. Артем был озадачен. Неужели и вправду ничего не получится? Спустя три месяца после начала кампании он почти утратил всякую надежду хотя бы на изящный флирт, не говоря уже о большем. Еще пара недель – и, наверное, он соскочил бы с этого поезда. Все должно случаться вовремя. Получивший вожделенное, когда интерес к нему угас, – несчастнейший человек на земле. Ему бы радоваться, а он не находит внутри себя никакого отклика на удачу, которая привалила. Ничего, кроме раздражения: и что теперь?

Словом, Артем уже начал задумываться о том, что возжелал кусок не по размеру рта, как вдруг... будто плотину прорвало. Это потом уже он понял, как все в этой жизни у Яны происходит. Она все планирует. Терпеть не может экспромты. Наверняка, когда почувствовала первые поползновения с его стороны, тут же приняла решение, в какой именно момент она ответит взаимностью на них. Честно сказать, Артем не знал, как к этому относиться. То ли чувствовать себя уязвленным, то ли забить на все и плыть по течению.

Их роман длился уже год пять месяцев и десять дней. Артем никогда не запоминал точных дат, а тут запомнил, видимо, просто оттого, что Янину плотину прорвало под Новый год. Год и пять месяцев! Так долго он ни с кем не возился, ему даже трудно было сказать, почему так получилось с Яной. Секс? Нет, сейчас уже точно не только ради него. Поначалу да – хотелось увидеть и почувствовать, какова эта Снежная королева в постели. Увидел и почувствовал. Ничего особенного. Секс – не сильная Янина сторона. То ли он ей по барабану, то ли она просто не умеет расслабляться по-настоящему, но Яна-в-сексе кардинально отличается от Яны-в-обычной-жизни. Эта вторая Яна – жестковатая, но яркая и ни на кого не похожая женщина, но вот Яна-в-сексе – это невыразительное и зажатое существо. Верно говорят, что на все у человека энергии не хватает. Запасец-то ограничен, вот оно и выходит, что кто-то вкладывает его в личное, а кто-то, как Яна, в карьеру.

«Все в силе», – написала Яна в ответ на его «И?..». Значит, в обед. На конспиративной квартире. На соседней с офисом улице. Удобно, но рискованно. Да плевать...

* * *

Яна взглянула в зеркало. Вроде все в порядке. Только тронуть помадой губы.

– Ты обедала? – спросил Артем.

– Когда? – отозвалась Яна.

– Значит, секс вместо обеда? – усмехнулся он.

– Значит, так.

– Ноги не протянешь к концу дня?

– Сейчас закажу секретарше бутербродов, – сказала Яна, подкрашивая губы.

– С ума сошла? Она сразу же заподозрит тебя во всех смертных грехах. Вернулась с обеда и требует бутербродов.

– А вот и нет. – Яна отвернулась от зеркала и улыбнулась. – Я сказала, что иду к врачу. Так что бутерброды вполне логичны.

– Тебя не поймать голыми руками, – сказал Артем, снимая со спинки стула пиджак.

– Нет, не поймать, – кивнула Яна.

– А если бы все-таки попалась? – спросил он. – Что бы стала делать?

– Выкрутилась бы, – не задумываясь ответила Яна.

«Наверняка уже продумала тактику поведения на случай провала, – понял Артем. – И скорее всего, не один вариант».

– Послушай, – сказал он, – а ты была когда-нибудь влюблена?

Яна вздрогнула и непонимающе уставилась на него.

– Это ты к чему? – спросила она.

– Да так. – Он пожал плечами.

Он сам не знал, зачем задал этот вопрос. Вырвалось.

– Была, конечно, – после некоторой паузы проговорила Яна. – Как все. В школе. Ну, там, в институте...

– В школе? – переспросил он. – В институте? Я не об этом. Потом, потом-то ты была когда-нибудь... – Язык не повернулся повторить это слово еще раз.

Яна усмехнулась, в глазах ее заискрился лед.

– Да, знаешь, – сказала она, – как-то некогда было.

«Понятно, – подумал Артем. – Яна ковала свое будущее. Какая уж тут любовь?»

Янин мобильник зазвонил, когда она уже стояла в дверях. Она приложила телефон к уху.

– Да? Что случилось? – сказала Яна. – И после некоторой паузы: – Так, стоп, еще раз и помедленнее.

Выслушала то, что ей сообщили, нахмурилась и проговорила:

– Вы на какое время договаривались? На час? – и бросила взгляд на свои часы.

Артем тоже машинально проверил время. Без семи минут два.

– И что, все время телефон вне зоны? – спросила своего невидимого собеседника Яна. – И потом, после паузы: – Что тебе делать? Ну, радость моя, я не знаю.

– Кто? – тихо поинтересовался Артем.

– Дочь, – одними губами проговорила Яна. А в трубку сказала: – Вообще-то это странно. Отец никогда тебя не подводил.

Дочь что-то отвечала. Яна внезапно изменилась в лице.

– Что?! – воскликнула она. – С чего ты взяла?

И опять объяснения дочери. Артем слышал ее голос, доносившийся из трубки, но слов разобрать не мог.

– Ладно, – каким-то севшим голосом ответила Яна. – Я сейчас соображу, что делать, и перезвоню тебе.

Она отняла телефон от уха и уставилась на Артема.

– Что случилось? – спросил он.

– Она говорит, – медленно начала Яна, – что они сегодня должны были идти договариваться насчет ее подработки. Должны были встретиться дома в час. До полвторого она не дергалась, потом начала звонить ему на трубку. А там «телефон выключен или находится вне зоны». И так все время. А еще она говорит, – тут Яна судорожно вздохнула, – что он сегодня не ночевал дома...

– «Она говорит»? – перебил ее Артем. – А ты-то что? Не знала этого, что ли?

– Не знала! – взвилась Яна. – Мы давно спим в разных комнатах. Меня вчера срубило часов в десять. Его еще не было. Я думала, он пришел, когда я уже спала. Сегодня проснулась, решила, что он ушел. Такое случалось. Откуда мне было знать, что он вообще не приходил?!

Глава 4

Яна выскочила из подъезда, кипя от возмущения. Только этого ей сейчас не хватало! Куда он делся? Разбирайся теперь с его проблемами. Основной из

которых всегда была дочь. Надо что-то решать с ее почти сорвавшейся подработкой. Яна села в машину и задумалась. У нее вариантов на замену не было. Вернее, они наверняка имелись, но их надо было вытаскивать на свет божий, прощупывать, вести с кем-то беседы, уговаривать, обещать что-нибудь взамен. Дочь ведь не хотела идти в «Макдоналдс». Ей подавай что-нибудь приличное, а такое на дороге не валяется. Вроде везде не хватает рабочих рук, но это совсем не означает, что руки эти должны принадлежать тинейджеру. У них в конторе то же самое. Горы документов лежат месяцами в ожидании того светлого момента, когда найдется кто-нибудь, кто возьмется их разобрать и систематизировать. Но поручи такое дело малышне, и потом годы потратишь на то, чтобы найти что-нибудь. Словом, приличная летняя подработка – это редкий зверь, которого следует долго и вдумчиво ловить, а словив, держать крепко-крепко, чтоб не сорвался.

Муж что-то там словил. Яна не вникала, не до этого было. Удалось – и ладно. Сегодня муж должен был вести дочь знакомиться с ее будущим работодателем. А сам исчез. Забыл, что ли? И мотается где-то в зоне неуверенного приема. Или отключил телефон. Не специально, а случайно. Так уже бывало, и не однажды. Нажмет невзначай на красную клавишу – и ходит целый день, радуясь, что его никто не беспокоит. Почему с Яной такого не случается? Она всегда на связи, всегда контролирует, что там с ее мобильником? Жив ли? Накормлен ли?

«О, черт! – спохватилась Яна. – Что это я тормознулась в этом дворе? Держу же Артема». Они взяли за привычку выходить из дома по одному. Второй выходит только тогда, когда первый уже уехал. Прямо шпионские игры. Ну и ладно. Главное – не попасться на ерунде. Яна завела машину и рванула на работу.

Войдя в кабинет, сразу же взялась за телефон.

– Привет, – сказала она дочери. – Не звонил?

– Нет, – буркнула дочь.

– Хорошо...

– Что хорошего? – перебила дочь.

– А что плохого? – резко спросила Яна. – Разве жизнь уже закончилась?

– Н-нет, – растерялась дочь.

– Вот и отлично. Во сколько вас ждали?

– В два тридцать.

Яна бросила взгляд на часы. Два одиннадцать.

– Ну, так ты еще почти не опаздываешь, – сказала она.

– Как это? – удивилась дочь.

– Куда идти знаешь?

– Ну да.

– А кого там искать?

– Тоже знаю.

– Так иди.

Дочь помолчала, потом протянула:

– Но-о...

– Что за «но»? – Яна села за стол, открыла файл с бюджетными таблицами и уставилась на экран. – Боишься?

– Я? – засопела дочь.

– Ты уже не маленькая, – проговорила Яна, снимая пиджак и вешая его на спинку кресла, на котором сидела. – Собирайся, иди туда, извиняйся за то, что опоздала, и договаривайся.

– М-м-м... – все еще сомневалась дочь.

– Не «м-м-м», а вперед, – резко сказала Яна. – Другого выхода у тебя все равно нет. Отец вне досягаемости, я на работе. А не пойдешь – будешь торчать все лето в городе без всякого занятия.

Слышно было, как дочь вздохнула.

– И, – тут Яна нанесла решающий удар, – не видать тебе Чехии как своих ушей.

Такова была договоренность: дочь работает летом, чтобы заработать себе на поездку в Чехию. Конечно, Яна могла легко отправить ее куда угодно, хоть в Австралию на пару лет, но делать этого не собиралась. Уговор дороже денег, так что пусть думает.

– Ладно, – наконец вымолвила дочь. – Попробую.

– Не «попробую», – поправила ее Яна, – а пойду и сделаю.

– Ага, – сказала дочь, и они распрощались.

«Прекрасно, – подумала Яна, – одну дыру заткнули. Но как быть со второй?» Под второй дырой она подразумевала пропавшего мужа.

Конечно, он и раньше ходил с отключенным телефоном, в этом ничего странного не было. Но вот дочь... Никогда, никогда он не срывал никаких планов своего разлюбимого чада. Здесь что-то не так. А вдруг...

А вдруг с ним что-нибудь случилось?

Яна выпрямилась. Вот черт! Не было печали! Она покрутилась в своем кресле, встала, подошла к окну. Постояла, всматриваясь в кроны деревьев, растущих во дворе бизнес-центра. «Так, – подумала она, – надо попробовать как-то прояснить ситуацию. Исключить трагические варианты, чтобы можно было выкинуть их из головы и вернуться к своим прежним занятиям. Куда звонят-то в таких случаях? Наверное, в милицию. Бред какой-то».

Она вернулась к столу, села, сняла телефонную трубку. И набрала 02.

– Что делать-то? – спросила Яна после того, как завершила свой рассказ о случившемся.

Диспетчер вздохнула:

– Даже не знаю. Сами понимаете... Не пришедшие ночевать мужья – это такое дело...

– Ну да, – проговорила Яна.

– Он только одну ночь не ночевал? – поинтересовалась девушка.

Яна задумалась. А кто его знает? Теперь она ни в чем не была уверена. Может, и не одну. Может, и накануне все было точно так же, как вчера. Впрочем, нет, тут же спохватилась она, если бы он исчез позавчера, дочь уже забила бы тревогу.

– Одну, – сказала Яна.

– Маловато времени прошло для розыска, – деловито заметила диспетчер. – Вот придете домой, а он там. Может же такое быть?

– Может, – согласилась Яна, – конечно, может.

– Ну вот, – продолжала девушка, – а вы переживаете.

«Да не то чтобы переживаю», – хотела возразить ей Яна, но не стала. Девушка бы не поняла ее. Если не переживаешь, чего тогда звонишь в милицию? Чего людей отвлекаешь от настоящей работы? Не объяснять же ей про бюджет да их своеобразные отношения с мужем.

– Ладно, – сказала Яна, – я поняла. Подождать, а если не придет, тогда заявлять.

– Да, – сказала диспетчер. – Но вообще-то... – Она замаялась.

– Никто никого не ищет? – усмехнулась Яна.

– Ищут, – ответила девушка, – но сами понимаете...

«Ищут, но не быстро», – закончила за нее мысленно Яна.

– Понятно, – сказала она. – Спасибо.

– А на работу вы не пробовали позвонить? – вдруг заинтересовалась диспетчер.

– Простите? – не поняла Яна. – На какую работу?

– Ваш муж, – сказала девушка, – он же где-то работает? Вдруг он уже там, спокойненько сидит себе и трудится?

– Потрясающе! – воскликнула Яна. – Вы знаете, я об этом совершенно не подумала. Гениально!

– Да что вы, – засмушалась диспетчер, – такое сплошь и рядом случается.

– Тогда я пошла звонить.

– Желаю удачи, – рассмеялась девушка.

Яна положила трубку. Конечно, он на работе.

А где же ему еще быть посреди вторника? И забыл о встрече с дочерью. Так, где его рабочий телефон? Сейчас она ему позвонит и устроит головомойку. Полтретьего! А она все еще занимается всякой чепухой. Уму непостижимо!

«Он только одну ночь не ночевал?» – внезапно вспомнила Яна вопрос диспетчера. Улыбнулась, представила, как бы она ответила той, что не знает. А Артем-то как взвился. Подумаешь! Не обязательно спать в одной постели. Очень даже правильно – спать отдельно. Особенно если ты изменяешь мужу. Или жене. Она, Яна, хотя бы не лицемерит. Да, выглядит холодной стервой, но зато не врет. Ни мужу, ни любовнику. Ни себе, что для нее самое главное.

Артем – романтик. Хотя, наверное, будет возражать, если ему это сказать. Про влюбленность вдруг спросил. С чего бы это именно сегодня? Впрочем, не важно.

Он точно считает Яну особой, никогда не знавшей, что такое настоящая любовь, никогда не чувствовавшей ничего более яркого, чем сердцебиение от быстрой езды. Пусть. Она не собирается разубеждать его. Разубеждать – это значит раскрыть свои карты, а этого Яна не желала делать ни для кого. В том числе и для Артема. Он же ничем не лучше других.

А влюбляться Яна больше не хотела. Хватит, нахлебалась!

Случилось это, когда ей было двадцать восемь. Слышала она, конечно, что порой прошибает так, что только искры летят, да и помнила нечто похожее из студенчества, но одно дело знать, совсем другое – пережить. Стоило Яне только раз увидеть его, как она поняла: втрескалась. По уши. Даже по макушку. Так, что не вдохнуть, не выдохнуть без страдания. Счастье? Она не была уверена в этом. Ни минуты счастья в ту пору она не испытала.

Она была ему совершенно не нужна. Он видел, что она у него на крючке, но даже не захотел просто воспользоваться таким случаем. Ему было не до этого. У него тогда свои переживания застили небо. Умерли родители, на волоске висела эмиграция в Канаду. И тут Яна. Нет, его это абсолютно не интересовало.

Яна поморщилась, вспоминая, как пришла к нему объясняться. Ей тогда казалось, что дело застопорилось лишь потому, что они не сумели поговорить по-человечески. Ладно, решила она однажды, надо брать ситуацию в свои руки. Ей было не привыкать. Но все получилось совсем не так, как она ожидала.

«Извини, – вежливо сказал он, – но я пас. Не до этого сейчас». И все. Хорошенькое объяснение, да? Впрочем, для мужчины это нормально. Женщина полагает, что любовь – дело, ради которого следует бросить все на свете, а у мужчины оно в ряду прочих, хорошо, если в первой десятке. Яна все это отлично знала, понимала и даже принимала. Но в тот раз все-таки не смогла сразу остановиться и полезла дальше. Поперло из нее бабское, во всей своей красе поперло.

«Сейчас не до этого? – переспросила она. – А когда будет до этого?» Он помолчал, внимательно разглядывая ее, потом, видно, понял, что простенькими

отговорками не отделается, и сказал: «Извини». Развел руками. Пожал плечами. Яну пронзила внезапная боль: ударила сзади в основание шеи и побежала, побежала вниз по позвоночнику и, достигнув поясницы, обручем стянула спину и живот. Она судорожно вздохнула, выпрямилась. Она все поняла. Прочие дела тут были ни при чем. Она была ему не нужна. Она ему просто не нравилась. Вернее, нравилась не до такой степени, чтобы ответить на ее порыв.

Она повернулась и молча ушла. Он не останавливал ее.

Такого унижения Яна не испытывала до этого никогда. Сначала она не могла сообразить, отчего так остро реагирует на отказ. Ведь и раньше случалось, что ей отказывали, но тогда она воспринимала все куда легче. И только спустя некоторое время поняла, почему эта история не дает ей покоя. «Нельзя обнажаться, – думала она. – А любовь, как ни крути, не оставляет на тебе никаких покровов, даже кожи. И поэтому любое колебание воздуха отдается в тебе болью. Что уж говорить об отказе?»

Никогда, дала тогда себе слово Яна, никогда она больше не позволит втянуть себя в подобную ерунду. Это совсем не означало, что она вычеркнула мужчин из своей жизни. Их было предостаточно. Но только чувств к ним Яна не испытывала. И еще заставляла побегать за ней, да как побегать!

Артем не был исключением из правила. Та же схема, тот же результат. Продолжительность романа немножко другая, это да. Подзависла она с ним, подзависла...

Звякнул телефон. Яна очнулась от своих мыслей и сняла трубку.

– Да? – проговорила она.

– Яна Владимировна, – задуханным голосом сказала секретарша, – ваша свекровь.

Оп-па!

– Соедини, – велела Яна и, как только отыграла мелодия из «Крестного отца», сказала: – Здравствуйте, Ольга Дмитриевна. Какими судьбами?

– Здравствуй, – ответила свекровь. – А ты не знаешь?

«Вот черт! – подумала Яна. – Небось любимая внученька уже доложились».

– Прошу прощения? – тем не менее сыграла в недоумение Яна.

– Где мой сын?

Началось. Истерики.

– Нюся сказала, что его со вчерашнего дня не было дома, – продолжала вздрагивающим голосом свекровь.

«Нюся». Яна терпеть не могла, когда дочь называли этим слюнявым имечком. Впрочем, чего еще ждать от мужниной родни?

– Не было, – подтвердила она.

– С ним что-то случилось! – фальцетом выкрикнула свекровь.

– Да бросьте вы, – раздраженным тоном ответила Яна. – Что с ним может случиться?

– Я буду звонить в больницы, – сообщила свекровь.

«А вот это хорошая мысль, – с облегчением подумала Яна. – Пусть звонит. Кто-то должен этим заняться. Не секретарше же поручать».

– Я буду звонить, – с напором повторила Ольга Дмитриевна.

– Хорошо, – пробормотала Яна.

– Боже мой, боже мой! – запричитала свекровь. – Не дай бог, что-нибудь серьезное! – И отключилась от связи.

Яна положила трубку и с силой потерла лоб. Начиная болеть голова. То ли от перемены погоды, то ли от перемен в ее жизни. То ли от пронзительного голоса свекрови. Послал же Бог истеричку.

* * *

Ольга Дмитриевна швырнула телефонную трубку на диван и мрачно уставилась в окно. Дьявол! Она ощущала себя персонажем какой-то пьесы. Мелодрамы? Трагикомедии? Фарса? Она встала с дивана и нервно прошлась по комнате. Все еще в роли. Типичная свекровь должна была именно так и поступить при подобных обстоятельствах: начать истерить, ткнуть невестку носом в то, что та бездействует, пока муж лежит неизвестно где, с неизвестно какими ранениями, может быть, некоторые из них несовместимы с жизнью... Тьфу! Вот напасть!

Была бы Ольга Дмитриевна актрисой, можно было бы валить все на профессию, дескать, она ее испортила, и теперь она не видит различия между сценой и жизнью и продолжает лицедействовать, даже когда занавес уже опущен. Но Ольга Дмитриевна актрисой не была. Хотя и исполняла роль «свекрищи» уже много лет. Порой весьма убедительно, даже для самой себя, потому что ни одну мать не оставит равнодушным то, что вытворяет невестка с ее сыном. Пусть не любит его и не любила никогда, но хотя бы относилась к нему с уважением. А то ведь постоянно какие-то насмешечки, если не вслух, то в выражении глаз и в рисунке морщинок на лице, постоянное пренебрежительное фырканье на любую его попытку проявить свою личность, постоянное выпячивание себя, Яны Великой, в ущерб семейному взаимопониманию.

Да о чем это она? Взаимопонимания там не было с первых же минут.

Поначалу Ольга Дмитриевна думала: молодо-зелено. Приживутся, привыкнут. Опять же гонор Янин немного побледнеет или хотя бы примет приемлемую окраску, как букашка, сливающаяся по цвету с листом, на котором сидит: я здесь есть, но не лезу на глаза, просто тихонько сижу себе... Увы! С годами становилось только хуже. Гонор превратился в гонорище, а сын – в несчастное создание.

Он никогда не жаловался Ольге Дмитриевне, ничего не рассказывал, блюдя лояльность. Ради чего? Можно подумать, Яна его по головке погладит за это.

– Тебе не надоело? – однажды гневно обрушилась на него Ольга Дмитриевна.

– Что именно? – Он делал вид, что не понимает, о чем это она, надеялся, видно, что ее настроение рассосется само собой, до того, как ему придется давать ответы на ее вопросы.

– Такая жизнь.

– Жизнь как жизнь, – нахмурился он. – Получше, чем у многих. Смотри, какая чудесная внучка у тебя растет.

– При чем тут Нюся? – отмахнулась Ольга Дмитриевна. – Не уходи от вопроса. Тебе разве не претит роль тряпки под ногами?

Сын едва заметно поморщился. Конечно, сравнение с тряпкой не выдерживало никакой критики, было банально до ломоты в зубах, на грани пошлости. Пошлость в семье Вересовых не приветствовалась.

Поморщился и промолчал. И Ольга Дмитриевна как-то мгновенно сдулась, утихла. Умел он так молчать, что не захочешь ни с расспросами приставать, ни свои собственные идеи выкладывать.

Наедине же с собой Ольга Дмитриевна часто эту тему обмусоливала. Ни к чему это не приводило, кроме бессонницы, и долгое время она не понимала, зачем вообще изводит себя подобным образом. Точнее, ей было неловко признаться себе в истинной причине происходящего.

Дело было в том, что, если она не будет себя искусственно накручивать, придется признаваться в очевидной истине: случается, что она искренне восхищается невесткой.

Она ведь прелюбопытная особа, эта Яна. Умная, энергичная, уверенная в себе, словом, полная противоположность любимому сынку Ольги Дмитриевны. Он конечно же славный мальчик, но совершенно неприспособленный к жизни. И это у него в крови. Сколько усилий Ольга Дмитриевна приложила, чтобы хоть как-то научить его справляться с жизненными тяготами. Все впустую. Он в точности повторял своего отца, который и в зрелости вел себя как наивный десятилетний

мальчик, мечтающий о совершенном мире. Сыну была нужна сильная женщина. Яна как раз такой и оказалась.

Проблема заключалась в том, что Яну интересовала в жизни только одна персона – она сама.

Все остальные делились для нее на две категории: те, с кем нужно жить в мире, и те, на кого можно полностью наплевать. Мир, однако, в ее понимании выглядел так: я вам говорю, как делать, вы уж будьте любезны, сделайте, иначе не видать вам моего благорасположения. Скажете, ну и дьявол с ним, с ее благорасположением? Сын думал иначе. За Янино внимание готов был удавиться. В итоге он, конечно, выжил, но продолжал жить в чуть придушенном состоянии.

«Да, – подумала Ольга Дмитриевна, подходя к журнальному столику и беря в руки телефонный справочник, – жизнь диктует свои условия, в ней выдерживают сильнейшие. Или те, кто прилепился к ним. Мальчику нужна сильная женщина, но эта женщина должна еще и любить его, а Яна его не любила никогда, ни единого дня».

Боже мой, даже не вздрогнула, узнав, что муж пропал. А если он ранен, что, и это ее не проймет? Ольга Дмитриевна сглотнула подступивший к горлу ком и лихорадочно принялась листать телефонный справочник. Звонить. Звонить! Исключить самое страшное. Немедленно!

Глава 5

Значит, больницы и морги – за свекровью. Дальше что? Работа. Надо бы позвонить мужу на работу. Хотя, может быть, он уже на связи? Она набрала мобильный мужа. «Абонент временно...» Ясно. Где-то у нее был его рабочий телефон. Яна открыла вкладку «Контакты» в своем мобильнике. Так, муж... Интересно. Яна скривила губы. Рабочего номера не было. Где же он тогда? Она точно помнила, что записывала его. А вот звонила ли когда-нибудь по нему? Яна напряглась, вспоминая. Вряд ли. Зачем, когда есть мобильный?

Может, в блокноте? Яна потянула к себе сумочку, достала из нее блокнотик в кожаной обложке с логотипом компании, открыла его, пролистала. Ага, вот он! Яна набрала номер.

– Да? – ответил бесполоый голос на другом конце провода.

– Здравствуйте, – сказала Яна. – Это фирма «Ретис»?

– Да, – отозвался голос. – Здравствуйте.

– А могу я услышать Дмитрия Вересова? – спросила Яна.

– Вересова? – переспросил голос. – У нас таких нет.

– Простите? – растерялась Яна.

– У нас таких нет, – спокойно повторил голос.

– То есть как нет?

– Обыкновенно, – усмехнулся голос. – Нет, и все.

– Но ведь был? – спросила Яна.

– Не думаю, – после секундной паузы ответил голос. – А кто он по должности?

Боже мой, подумала Яна, кто он по должности? Откуда ей знать? Менеджер. Сейчас все менеджеры.

– Менеджер, – проговорила она.

– Ну да. – Голос продолжал усмехаться. – А поточнее?

Издевается, поняла Яна. Небось нечем заняться, вот и куражится. Ну, извините, этот номер с ней не пройдет. Она сделала глубокий вдох и вежливым до тошноты голосом спросила:

– А вы давно работаете в этой компании?

– Это-то тут при чем? – удивился голос.

– Вы не ответили, – сказала Яна.

– Недавно, – буркнул голос.

– А-а, – протянула Яна. – Так, может, позовете кого-нибудь, кто давно работает?

– Зачем? – Голос был явно недоволен.

– Будьте так любезны, – резко сказала Яна, – позовите кого-нибудь, кто давно работает в вашей компании.

Голос на секунду затаился. Соображает, поняла Яна, лезть в драку или нет.

– Ладно, – нехотя ответил голос. – Подождите минуточку.

Любопытно, большая у них фирма или нет? А то, может, там всего ты, да я, да мы с тобой, и тогда ее наезды, мол, вы просто не всех тут знаете, потому что всего ничего работаете, будут выглядеть смешно. Впрочем, уже поздно. Уже наехала.

– Алло, – услышала она сочный баритон. – Я вас слушаю.

– Добрый день, – сказала Яна.

– Добрый, – отвечивал баритон.

– Вот ищу, – с легким смешком продолжала Яна, – Дмитрия Вересова, а мне говорят, что он якобы у вас не работает.

– Не работает, – сказал баритон.

«Что за ерунда?» – подумала Яна.

– Уже давно не работает, – добавил баритон.

«Так все-таки, – подумала Яна, – он там работал».

– Давно – это сколько? – спросила она.

– Ну-у, – задумался баритон, – я даже не знаю... Сейчас соображу. Наверное, с год или что-то около того. Правда, я слышал, что мы его иногда привлекаем к проектам, но это вам нужно с Красавиной пообщаться. А вообще, – спохватился вдруг баритон, – вы Вересова-то по какому вопросу ищите?

– Да знаете, – Яна лихорадочно пыталась сообразить, что бы ответить – признаваться в том, что она Вересову жена, никак не хотелось, – как-то разговаривали с ним по поводу вашей продукции...

– Ниток, что ли? – перебил ее баритон.

Ниток? Муж занимался нитками? Это было для нее открытием. Почему-то Яне всегда казалось, что речь шла о каком-то оборудовании.

– Ну да, – тем не менее ответила она.

– Так мы можем пообщаться и без Вересова, – предложил баритон. – Хотите каталог?

– Э-э... – растерялась Яна.

– Давайте ваш мейл, – велел баритон.

«Ну вот еще!» – подумала Яна. В мейле ее фамилия была написана полностью. Но игру, которую она невзначай затеяла, следовало довести до конца.

– Давайте лучше ваш, – предложила она. – Как вас, кстати, зовут?

– Виктор Климкин.

– Очень приятно.

– А вас? – поинтересовался баритон.

– Марина, – пробормотала Яна.

– Марина?.. – Баритон ждал продолжения.

– Пока просто Марина, – сказала Яна, – если вы не возражаете.

– Да что вы, – усмехнулся баритон, – какие возражения! Пишите мой адрес, просто Марина, – и продиктовал ей свой мейл.

Яна, как под гипнозом, записала.

– Черкнете свои координаты, я вам вышлю каталог, – проговорил баритон.

– Хорошо, – ответила Марина, – спасибо. А Вересов...

– А Вересов ушел, не знаю даже куда, – сообщил баритон. – И как его найти, тоже, к сожалению, не подскажу. Хотите, соединю с Красавиной?

– Давайте, – согласилась Яна.

Красавина показалась Яне совсем юной девицей. Голосок тонкий и звонкий, речь быстрая, почти скороговорка.

– Вересов после того, как уволился, – частила Красавина, – у нас иногда привлекается как эксперт. Но это всего раза три или четыре за год было. И то он как-то без особого удовольствия работал, просто, видно, по старой дружбе. Похоже, что дополнительные деньги ему не сильно нужны. А находим мы его по мобильному. Нового телефона рабочего не знаю. Куда ушел? Тоже понятия не имею. Он никому не говорил. Вроде бы. А может, и говорил, ну, так всех сто тридцать человек не опросишь, верно ведь? А вам зачем Вересов?

Яна повторила свою легенду насчет ниток.

– Так вам Виктор все и расскажет, – сказала Красавина.

– Да, спасибо, – забормотала Яна, – мы уже договорились.

– Дать вам мобильный Вересова?

– Да у меня есть... – начала было Яна и осеклась: а вдруг у мужа два мобильных? – Давайте.

Красавина продиктовала известный ей номер. Номер, который не отвечал.

Яна распрощалась со стремительной Красавиной, швырнула трубку на стол и хмуро уставилась в окно.

Что все это означает? Муж, который, как ей всегда казалось, не был способен ни на какие сюрпризы, дурил ее. Причем уже целый год. Но, что странно, в семейный бюджет он вносил ту же сумму, что и в бытность свою менеджером фирмы «Ретис». Конечно, эти деньги не шли ни в какое сравнение с Яниным вкладом, но ведь сумма не изменилась. В каком месте он ее нынче зарабатывал? И – самое главное – почему Яне ничегошеньки не было известно о столь серьезных переменах в жизни мужа?

Хорошо, пусть она никогда не проявляла особого интереса к этому, но ведь он всегда ей все рассказывал. Слушала она, не слушала, Димка докладывал о крупных и мелких событиях своей жизни с завидным постоянством. Считал, что это – неотъемлемая часть жизни каждой нормальной семьи. Она обычно не перебивала его. Просто отключалась и думала о своем. Порой, когда в его речах что-нибудь привлекало ее внимание, Яна включалась обратно и расспрашивала о деталях. Может, он говорил, да она просто была в отключке? Яна порылась в памяти. Да нет, уж об уходе с работы, на которой он отпахал около семи лет, она бы послушала. Как минимум для того, чтобы узнать, почему он это сделал и куда попал теперь. Чем он, интересно, занимается нынче? Тоже нитками? Маловероятно. Иначе бы все эти Климкины и Красавины знали об этом. Обычно, когда уходят к конкурентам, это становится известно.

Он точно отправлялся каждое утро на работу... Или нет? Яна задумалась. Она внезапно поняла, что первой всегда покидала квартиру она. Их контора славилась старорежимными привычками – рабочий день начинался с девяти. Муж работал с десяти. Получалось, что Яна даже точно не знала, ходит ли он сейчас на какую-нибудь работу или нет. Да ходит наверняка, иначе откуда деньги? Может, даже пошел на повышение. И что, имеет теперь заначку? Да и черт с ним, пусть имеет. Дело-то не в деньгах. Яна могла сама прекрасно прокормить семью. Так было всегда, с самого начала их семейной жизни. Яна всегда зарабатывала больше... Как-то у нее сразу стало получаться. А у него нет. Впрочем, нет, не так было. Сначала у него все шло замечательно. Года три или четыре. А Яна болталась на задворках. И ее это смертельно раздражало. Потом все встало на свои места. Она сменила работу, денег прибавилось, и пошло-поехало. Он тогда, помнится, несколько растерялся. Задержался, засуетился. Все без толку. Потом привык к новому раскладу. И перестал стараться что-то изменить. Яна была несколько разочарована. Она ожидала, что он начнет бороться за первое место. Тогда она полезла бы еще дальше. А он не стал бороться. Успокоился на достигнутом. Занялся домом и дочерью. «Тряпка», – подумала тогда Яна. У нее и раньше мелькали такие мысли, но она полагала, что из этой тряпки все же удастся сделать что-нибудь приличное. Однако тряпка преобразаться не пожелала. Да и ладно. В конце концов, если бы муж не взялся за домашние проблемы, ей бы пришлось решать их самой, а это – время, силы, деньги...

«И все-таки, откуда он их берет сейчас, эти деньги?» – подумала Яна.

И вообще, что все это значит?! Ей вдруг стало душно. Кровь прихлынула к щекам, горло перехватило. На воздух! И Яна рванула прочь из кабинета.

* * *

У жабы что-то случилось, поняла Олеся. Вон как носится! Как ошпаренная. И свекровь ни с того ни с сего позвонила. Редкий случай. За время Олесиной работы у Яны жабина свекровь звонила всего лишь раз. Правда, и того несчастного раза хватило, чтобы понять: у жабы с матерью мужа отношения натянутые. Они предпочитали общаться друг с другом как можно реже. Так что сегодняшний звонок был явлением экстраординарным. «Экстраординарным», – с удовольствием произнесла шепотом Олеся. Так жабе и надо! Нечего нос задирать. Все у нее должно быть как у нормальных людей. И пусть жабе судьба

отвалила целую тарелку меда, все равно рано или поздно окажется, что не все с ним в порядке. Как у всех нормальных людей. Что же такое произошло?

Что-то дома. Иначе при чем бы тут свекровь? И еще – Олеся была на сто процентов уверена: Яна узнала о произошедшем в обед. Потому что уходила она на него чуть ли не с благостным выражением лица, а вернулась взвинченная до невозможности.

Дочь? Может, замуж собралась? Олеся откинулась на спинку кресла. Сколько ей лет? Так, жабе тридцать семь стукнет в августе, дочь она рожала на пятом курсе, значит, той пятнадцать лет. Да-а, если дочура влипла в какую-нибудь любовную интригу, то жаба могла... Стоп! Нет. Ничего она не могла. Олеся фыркнула. Ей же наплевать на дочь. Вот если бы дочь была достаточно взрослой, чтобы увести у жабы мужика... В смысле любовника – вот тогда жаба могла бы и взвинтиться. Она ведь из породы собственниц. Если кто покусился на ее имущество, держись! И не важно, дочь это будет или кто. Но дочери пятнадцать. Маловероятно насчет любовника. Что же у них случилось?

Муж, вдруг подумала Олеся. Здесь явно замешан муж. И поэтому звонила свекровь. Между прочим, тетка была на грани истерики. Олеся – опытный секретарь, сразу это почувствовала. Наверное, с ним что-нибудь стряслось. Под машину попал или типа того. И жив. Наверняка жив. В противном случае у жабы было бы другое выражение лица. Какое точно, Олеся затруднилась бы сказать, но другое. Сейчас же жаба бегала по конторе с лицом под названием «кого-нибудь-убью», и значило это только одно: кто бы ни был причиной нынешнего жабиного настроения, он ей изрядно насолил. Интересно, хмыкнула Олеся, где ее черти носят?

* * *

Яна шла по коридору. Сначала чуть ли не бежала, потом, почувствовав, что ее немного отпустило, успокоилась и пошла чуть медленнее. Спустилась на четвертый этаж, прошла до кафе. «Может, выпить чашечку кофе?» – мелькнула мысль. По слухам, кофе у них варили неплохой. Нет, тут же отказалась от этой идеи Яна, она никогда не пила кофе в кафе, зайдет и моментально вызовет волну пересудов. За ней всегда пристально наблюдают. Все. Без исключения. Она крутанулась на каблуках и медленно пошла обратно к лестнице.

– Яна? – внезапно услышала она за спиной.

Обернулась. Алина. Улыбается. Яна изобразила в ответ легкую гримасу, мол, привет-привет. Алина посмотрела по сторонам, подмигнула Яне и прошептала:

– Уже здесь.

– Что? – Яна озадаченно смотрела на нее.

– Они уже здесь, – чуть громче сказала Алина и подошла к Яне.

– Кто? – не поняла Яна.

– Ну, как же! – воскликнула Алина. – Ты же спрашивала. Сегодня утром.

– А-а, – спохватилась Яна. – Да.

Такого с ней никогда не случалось. Она забыла. Забыла начисто про комиссию из головного офиса. Еще три часа назад помнила, а сейчас все вылетело из головы. Событие, к которому она так долго готовилась, должно было вот-вот состояться, а она занялась черт знает чем!

Яна распрямила плечи, втянула живот.

– Вот! – одобрительно сказала Алина. – А то я прям испугалась, увидев тебя. Сама на себя не похожа.

«Сама на себя не похожа, – повторила про себя Яна. И тут же про себя добавила: – Ббболван!» – имея в виду мужа, внезапное исчезновение которого выбило ее из привычной колеи.

– И что они? – спросила Яна. – Какие планы?

– Сегодня, завтра, полдня послезавтра, – отчиталась Алина. – Сегодня, скорее всего, вызова не жди. Расслабленные. Вечером в кабак со стриптизом идут, так что, сама понимаешь...

Это хорошо, подумала Яна. Сегодня она приведет себя в норму и завтра будет во всеоружии. Как бы ни разворачивались события.

– Может, по кофе? – предложила Алина, махнув рукой в сторону кафе.

– Давай, – кивнула Яна.

С Алиной безопасно. Встретились в коридоре, решили сделать паузу, заскочили в кофейню. Все пристойно, в рамках обыденного. Алина любила затащить кого-нибудь в кафе после обеда. Такой у нее был режим. Сегодня ей попалась Яна. И хотя Яна числилась в высшем эшелоне, кофе-брейк с референтом генерального не мог испортить ее имиджа. Руководство исповедовало демократию.

Да и трудоголизм Яны был всем известен, а значит, никто не заподозрит ее в отлынивании от работы.

Глава 6

К вечеру Яна была выжата до последней капли. Голова ничего не соображала. Бюджет шел вяло. Периодически она брала в руки телефон и набирала номер мужа. Ничего. Все тот же робот: «Абонент...» И так далее. Любопытно было узнать, чем закончились обзвоны, которые собиралась предпринять свекровь. И закончились ли? Но звонить Ольге Дмитриевне Яна не стала. У них так было заведено – всегда звонила свекровь. Ни к чему было это менять. Даже в форс-мажорной ситуации.

Форс-мажорной ли? Яна задумалась. Наверное, все-таки да. За все время их совместной жизни супруг не вытворял ничего похожего. То, что происходило сейчас, выглядело странным, непостижимым и оттого немного пугающим. И еще это его увольнение с работы... Яна почувствовала, как злость разливается по всей ее кровеносной системе. Не сказать ей об этом? Невероятно!

Свекровь объявилась лишь в девятом часу. Яна уже успела принять душ и стояла посреди кухни в раздумьях, что бы приготовить на ужин.

– Это я! – с вызовом сообщила Ольга Дмитриевна, когда Яна сняла трубку.

– Добрый вечер, – сухо сказала Яна.

– Есть какие-нибудь новости? – спросила свекровь.

– Нет.

– Не звонил?

– Я же говорю, – с раздражением ответила Яна, – никаких новостей.

– У меня тоже, – вздохнула свекровь.

– Это что значит? – поинтересовалась Яна, открывая холодильник.

– В моргах...

Яна поежилась. Вот уж действительно!

– ...его нет, в больницах тоже, – забормотала Ольга Дмитриевна. – И в милиции нет...

– Может, вы не всех обзвонили? – предположила Яна, вынимая овощи и сыр.

Ничего тяжелого, решила она. Салатик с сыром и спать. Опять разболелась голова. Хотелось упасть в постель и забыться.

– Ну, если, конечно, – фыркнула свекровь, – брать в масштабах страны, тогда не всех.

Яна усмехнулась. Ольга в своем репертуаре – любую ее реплику вывернет наизнанку. А ведь Яна не имела в виду ничего особенного.

– Понятно, – сказала она, доставая разделочную доску и нож.

– Что понятно?! – вдруг взвилась свекровь.

– Э-э... – растерялась Яна.

Что такое? Что Ольга хочет от нее? Яна готова была сказать что угодно, лишь бы свекровь поскорее отстала. И тогда Яна порезала бы и съела салатик – и спать.

– Не понимаю, – опять забормотала свекровь, – что могло... И там нет, и там... Вот что это означает?

– Да ничего, – спокойно сказала Яна, кромсая овощи. – Ничего не означает. Если его нет ни в морге, ни в больнице, ни в ментовке, это не значит, что его нет нигде. Я тоже звонила в милицию.

– И что они сказали? – сдавленным голосом спросила свекровь.

– Да ничего, – ответила Яна. – Говорят, мол, пишите заявление, но когда его будут искать – это вопрос. Да вы сами все знаете.

– Ну да, ну да. – Голос свекрови упал почти до шепота.

Она помолчала несколько секунд, затем спросила:

– Что делать-то будем?

– Не знаю, – сказала Яна, вываливая овощи в салатник.

Она и вправду не знала. Она впервые попала в ситуацию, которую иначе как дурацкой классифицировать было нельзя. А с дурацкими ситуациями она не знала, как обращаться. Она была специалистом по нормальным случаям, но никак не таким, как тот, который приключился с их семейством сегодня. Она собиралась лечь спать в надежде, что завтра утром все само собой разрешится.

– Поспите, – посоветовала она свекрови.

– Что? – обомлела та.

– Поспите, говорю. Вам надо отдохнуть.

– Ну, ты даешь! – Голос свекрови взметнулся к верхнему регистру. – Неужели тебе все равно?! Да я не смогу заснуть! С сыном неизвестно что, а она: «Поспите»!

Из трубки понеслись короткие гудки.

Кто б сомневался, усмехнулась Яна, измельчая сыр теркой. Истерики. Как всегда.

«Неужели тебе все равно?» Да нет. Пожалуй, не все равно. Пожалуй, хочется Димку убить. Переживать? Это вряд ли. Яна верила в то, что, если бы что-то случилось, ей бы уже об этом сообщили. Без вести?.. Да ну, ерунда. Телевизионные бредни.

Хлопнула входная дверь. Через секунду дочь заглянула в кухню.

– Привет!

– Привет, – откликнулась Яна. – Есть будешь?

– А что дают? – поинтересовалась дочь.

– Салат с сыром.

– Можно.

– Тогда подруливай. – Яна достала из сушилки тарелки.

Дочь исчезла. Яна слышала, как она протопала в свою комнату, хлопнула дверцей шкафа, зашуршала одеждой. Через пару минут дочь опять появилась в дверях кухни. В пижаме. Яна поморщилась. Она терпеть не могла халаты и пижамы в качестве домашней одежды. Халаты и пижамы хороши совсем к ночи, считала Яна. Но говорить дочери ничего не стала. Не было сил.

– Папа? – спросила дочь, ставя на стол корзинку с булочками. – Объявился?

– Нет, – качнула головой Яна.

– А-а... – протянула дочь и опустила глаза.

– У тебя-то все нормально? – спросила Яна, когда они сели за стол. – С подработкой.

– Ага, – кивнула дочь, накладывая себе гору салата. – Договорилась.

– Вот видишь, – сказала Яна, – ничего страшного.

Дочь неопределенно пожала плечами. Надо браться за нее всерьез, подумала Яна, зачерпывая ложкой салат. Она всегда ела овощной салат ложкой. Во всяком случае, когда ее никто из посторонних не видел. С вилки у нее все валилось, и никакого удовольствия от салата она не получала. Вообще, с манерами у Яны были большие проблемы. Сказывалось отсутствие подобающего воспитания. Яна все время срывалась на что-нибудь сугубо крестьянское. То переложит вилку в правую руку для удобства, то обрызгается, то начнет кусать большими кусками. Но она боролась и с этим. И рано или поздно должна была победить. Победила же она английский, который ей давался с невероятным трудом. Значит, и манеры когда-нибудь выбросят белый флаг.

Да, за дочь следовало взяться, причем как можно скорее. Иначе станет такой же размазней, как отец. В последнее время Яна все чаще думала об этом. Может, это ее материнский инстинкт наконец-то проявляется? Должен же он все-таки у нее быть. Просто раньше он не подавал о себе никаких вестей, но вот пришла пора – и он поднял голову и даже забубнил что-то пока еще тихим, но все же уверенным голосом. Вообще-то мысли о том, что надо бы привить дочери хоть что-нибудь от себя, приходили к Яне, еще когда дочь была в младенческом возрасте, но тогда Яне это казалось излишним. Что ребенок мог понять в тех уроках, которые готова была дать Яна? Сейчас же, когда дочь подросла, можно было и попробовать. «Даже нужно», – опять повторила про себя Яна, жадно поглощая салат. Черт, да она проголодалась!

Дочь вдруг бросила быстрый взгляд на часы.

– Можно я доем там? – Она мотнула головой в сторону комнаты.

– А что «там»? – поинтересовалась Яна.

– Сериал...

– Ну, – Яна пожала плечами, – иди.

Дочь схватила тарелку и выбежала из кухни. Сериал, закатила глаза Яна. Нет, надо браться. Вот спровадит господ из головняка и займется. Яна поднялась из-за стола, поставила тарелки в посудомоечную машину и щелкнула кнопкой на чайнике. Сейчас нальет себе чаю, сядет в уголке, выкинет все лишние мысли из головы и спокойно настроится на завтрашний день. Нужно суметь предусмотреть все. День должен пройти без сучка без задоринки.

Чайник вскипел, Яна бросила в чашку пакетик чая с бергамотом, налила кипятку. Поболтала пакетиком, вынула его и кинула в мусорное ведро. «Так, начнем», – подумала она, устраиваясь поудобнее на диванчике.

Из комнаты доносилась неразборчивая болтовня героев сериала, а Яна, прикрыв глаза, пила чай и проигрывала в уме все возможные ситуации. Настенные часы тихонько тикали, у соседей шумела вода... Все должно получиться, наконец подытожила Яна. Она была готова к любым неожиданностям. Как обычно.

«Да? А как же сегодняшнее мужнино исчезновение?» – мелькнула мысль. Все дело в том, что на семейном фронте она совсем расслабилась. На работе такого позволить себе нельзя, вот Яна и держала ухо востро. А дома все казалось таким стабильным... Но получилось, что и дома ее могут подстеречь сюрпризы. «Так, прочь, прочь!» – забормотала Яна. Решила ведь: никаких лишних мыслей. Как минимум до завтра. Иначе ничего не выйдет. Пить снотворное – и спать.

Снотворное у нее убойное. Артем откуда-то привез себе и подарил ей пачку этих таблеток, когда она как-то пожаловалась на периодически мучающую ее бессонницу. И главное – утром никакой тяжести в голове. Надо бы где-нибудь раздобыть еще.

Яна плеснула в стакан воды, распечатала таблетку...

«Одежда!» – пронзила ее внезапная мысль. На месте ли одежда мужа? Если вся на месте, значит, свекровь права – с ним могло что-то случиться. Если же не вся... И Яна со стаканом в одной руке, таблеткой – в другой рванула из кухни в спальню.

В спальне она поставила стакан на тумбочку, положила рядом таблетку, подошла к шкафу и, широко распахнув дверцы, принялась вглядываться внутрь. Сзади раздались шаги.

– Что делаешь? – спросила дочь.

– Смотрю, – не поворачиваясь, бросила Яна.

Тихонько звякнул телефон. Дочь пошлепала на кухню.

– А, бабуля, – сказала она. – Да, даю. На. – Дочь подбежала к Яне и протянула ей трубку.

– Я вот что подумала, – затараторила Ольга Дмитриевна. – А ты проверяла его вещи?

Яна поморщилась. Они думали в унисон.

– Да вот, – нехотя ответила она, – как раз смотрю.

– И что?

– Да... вроде... – Яна замялась, обшаривая взглядом вещи на вешалках, – все на месте...

– Нет, – вдруг вклинилась дочь.

– Что «нет»? – вскинулась Яна. – Где «нет»?

– Вон, – дочь махнула рукой, – пиджак вельветовый. Там всегда висел. А теперь его нет.

– Что, что она говорит? – забеспокоилась свекровь.

– Говорит, чего-то не хватает, – буркнула Яна и вопросительно взглянула на дочь, мол, что еще?

– Джемпер синий, – вполголоса продолжала дочь, – и джинсовая рубашка...

– Может, они в стирке? – перебила ее Яна. – Метнись-ка в ванную.

– Там пусто, – сказала дочь. – Я только что бросила туда свои джинсы, там было пусто. А подожди-ка, – спохватилась она и убежала в прихожую.

– Ну, что у вас там? – Голос свекрови гремел в ухе.

– Сейчас она глянет...

– Что глянет?

Если бы Яна знала, что.

– Нету, – сообщила вернувшаяся дочь.

– Чего? – спросила Яна.

– Сумки. Хаки. Большой.

– Сумки? – переспросила свекровь.

– Да, – устало проговорила Яна.

– О-о, нет! – застонала свекровь.

Яна молчала.

– Что делать? Что делать? – выдохнула Ольга Дмитриевна. И бросила трубку.

Что делать? Да ничего. Командировка, не иначе. На этой его новой загадочной работе. Яна наклонилась, взяла таблетку, сунула ее рот. Запила водой. И, аккуратно обойдя дочь, застывшую в дверях спальни, пошла чистить зубы.

* * *

«Никто не поверит, что мама понятия не имеет, что из вещей папы на месте, а чего нет», – думала Аня, получасом позже укладываясь в постель с книжкой в руках.

У них была странная семья. Теперь она об этом знала. А раньше... раньше она считала, что у нее все как у других.

Прозрение пришло после Каткиного дня рождения. С Каткой они подружились три года назад. На свой день рождения Катка говорит: давай махнем к нам на дачу, отметим день рождения там. Конец июня, жара – на даче должно быть клево. Аня согласилась. Решила, что Катка позовет всю их компанию.

Компания была в полном составе, но кроме того, там еще были Каткины предки! Какой-то нонсенс! Да, еще сумасшедший Каткин дядя из Москвы, который явился поздравить любимую племянницу. Аня когда увидела все это безобразие, искренне взгрустнула.

Но – деваться некуда, из-за праздничного стола не сбежишь, а там уж и вечер наступил, тащиться же в город на ночь глядя совсем не хотелось, и от нечего делать пришлось включиться в общую суматоху.

Так классно Аня никогда до этого не отрывалась! Шашлыки на костре, фейерверки, фанты (позапрошлый век, но так прикольно!), песни под гитару и тамтамы – к полуночи уже никто и не помнил, что дул губу по поводу присутствия предков. И самое главное – Каткины родители. В какой-то момент Аня подумала: «Хочу таких!» И тут же тормознула себя – стоп, стоп!

Ведь ей всегда нравилось то, что происходило у них дома. Она привыкла к этому. Ну, не обнимались, не целовались мама и папа каждую секунду, так ведь и не ругались. Не колотили друг друга, не разъезжались по десять раз на дню, всегда вежливы, всегда предупредительны. Аня думала, так у всех. А в тот

вечер у Катьки на даче поняла, что так – только у них, у Вересовых. И еще – что она, пожалуй, была бы не против, если бы в отношениях между родителями проскальзывала хотя бы искорка безбашенности.

Аня сказала об этом Катьке, а та в ответ только пожала плечами, типа, у всех же по-разному, просто твои предки люди сдержанные, а мои отвязные. Аня сначала согласилась, в конце концов, темперамент у всех неодинаковый, но, вернувшись домой, решила изучить предмет глубже. Лучше бы не начинала.

Маме просто наплевать на папу. И на нее, на Аню. Мама живет в мире, где существует только ее собственная персона. Она не помнит, когда и какие у Ани занятия, не знает, что творится в Анином гардеробе, не интересуется, что ее дочь ела и чем занималась, не вглядывается в лица Аниных друзей и не запоминает их имена. Это папино дело, считает она.

А папа... папу Аня поначалу (это в смысле, когда у Ани открылись глаза) жалела, потом стала на него злиться: ну и чего он такой размазня? Бросил бы ее, что ли? Мужчина он или нет? Есть у него самолюбие или как? Аня все время ждала, что он вот-вот уйдет. Это было бы логично.

И вот он ушел. Она в этом не сомневалась.

Аня судорожно вздохнула, прижала книжку к груди и почувствовала, как громадная слезища покатилась по левой щеке. Нет! Она против! Он должен вернуться. Обязан. И пусть у них все не как у людей. Но это их мир. Мир, в котором она привыкла жить. И в этом мире у нее всегда было двое родителей.

Глава 7

«Проклятая баба! – подумала Яна. Она лежала на спине, морща лоб и повторяя про себя в полусне: – Проклятая баба, проклятая баба!» Что за баба-то? Яна открыла глаза и уставилась на потолок. Баба, к которой ушел муж.

При чем тут баба? Яна потянулась, прогоняя остатки сна. Бросила взгляд на будильник. Без четверти семь. Можно еще полежать. И поразмышлять. О бабе. К

которой ушел муж.

Да ну! Ерунда! Яна тихонько рассмеялась. Баба исключалась. Димке бабы без надобности. Командировка – вот и вся загадка.

Надо вставать. Работу еще никто не отменял. А сегодня тем более следует быть в форме. Яна вскочила, быстро заправила постель и пошла делать гимнастику, потом полетела в ванную. Душ контрастный, чтобы войти в нужное состояние. Потом мыть голову. Потом наложить крем. Без крема уже никуда. Лет пятнадцать назад она могла неделями о нем не вспоминать, а сейчас не намажешься – будешь чувствовать себя отвратительно.

Выйдя из ванной, Яна мельком взглянула в сторону дочериной комнаты. Спит. Не спросила вчера, когда у нее начинается подработка. Наверное, не сегодня. Иначе попросила бы разбудить. А если забыла? Может, все-таки поднять ее? Яна заколебалась всего на долю секунды. Повернулась и отправилась в кухню. Если забыла – пусть опоздание послужит уроком. Только так. Только тыкаясь носом. Только через собственный опыт. Яна сама так училась и не понимала, почему кто-то должен постигать жизнь по-другому.

Командировка. И скорее всего, он говорил ей об этом. Просто она не обратила внимания. Поэтому и не помнит. Такое ведь уже случалось, и не раз. Да-да, он наверняка в командировке. На этой своей новой работе. И про работу он конечно же докладывал, как докладывал обо всем, что происходило в его небогатой событиями жизни. Надо же ему было заявлять о себе на фоне Яны, вечно чем-то занятой, вечно куда-то спешащей, вечно к чему-то стремящейся. Муж отчитывался во всем. Что видел, с кем разговаривал, что купил... Яна частенько подсмеивалась над ним. Он реагировал на ее насмешки по-разному. Поначалу обижался, замыкался, потом стал возмущаться, а с недавних пор взял за моду иронично щуриться и однажды задумчиво сказал: «Вся прелесть в деталях. В мгновениях. Неужели ты этого не замечаешь?» Яна тогда от неожиданности растерялась, не нашла, что ответить, только рассмеялась принужденно. Он застал ее врасплох. Один-единственный раз. Когда он завел свою песню про детали второй раз, она была уже готова. Осыпала его градом язвительных реплик. Он выслушал ее молча, потом сказал: «А, понятно» – и заговорил на другую тему. Яна почувствовала досаду. Можно было, конечно, продолжить подкалывать его, но что-то подсказывало Яне, что не стоит, что лучше притормозить. Умение вовремя остановиться Яна всегда считала своей сильной чертой.

Угораздило же ее вспомнить о том случае! Яна раздраженно застегивала блузку. «Не о том думаете, девушка, смените пластинку», – приказала она сама себе. Накинула пиджак, схватила сумочку и выскользнула из квартиры.

Итак, муж в отъезде, о котором она просто не помнит. Все в порядке. Командировка в глухомань, не иначе – раз мобильник не берет. Значит, ждем, когда его телефон заработает. С этими мыслями Яна спустилась по лестнице, вышла из подъезда, села в машину и покатила на работу.

Пришла в офис и сразу же засела за бюджет. Но поработать не удалось. Мобильник завибрировал в девять тридцать пять. Яна взяла трубку.

– Да?

– Доброе утро, – услышала хриловатое контральто.

– Доброе, – нехотя ответила Яна.

– Новости есть? – спросила свекровь.

– Нет.

– Что решила делать?

– Ничего, – холодно ответила Яна.

– То есть как... – растерялась свекровь.

– А что вы хотели, Ольга Дмитриевна? – усмехнулась Яна. – Он уехал. Теперь мы с вами точно это знаем. Я думаю, он в командировке.

– Но он ничего не говорил мне об этом! – воскликнула свекровь.

– И что? – пробормотала Яна.

– Он всегда мне обо всем говорит, – продолжала бурлить свекровь.

– Ничто в этом мире не вечно, – сказала Яна.

– Ты о чем?

– Раньше говорил, – вздохнув, ответила Яна, – теперь перестал. Может быть такое?

– Не знаю. – Голос свекрови внезапно упал до шепота.

В шоке, поняла Яна. Любимый сынуля выкинул фортель. Опля! Яна невольно улыбнулась. Шепчущая свекровь – это что-то! Просто наслаждение какое-то.

– И вообще, – продолжала Яна, – я не вижу других вариантов.

– Да? – язвительно откликнулась Ольга Дмитриевна.

Очнулась. Быстро.

– Вы о чем? – холодно поинтересовалась Яна.

– Может, он ушел от тебя?

– К кому это? – усмехнулась Яна. – Знаете, так с бухты-барахты не уходят. Уходу обычно что-то предшествует. Что-то происходит...

– И что, ничего не происходило? – перебила ее свекровь.

Яна задумалась. Какая-то стычка на днях была – из-за дочери – из-за такого не уходят. Такого в их жизни было предостаточно. Еще цапанулись по поводу его машины. Яна настаивала на том, что машину пора менять, а муж упирался, говорил, что он прикипел к ней. В этом он весь. Привыкнет к чему-нибудь, не отдерешь. Яна же никогда не могла взять в толк, зачем это ему. Зачем обрастать всеми этими вещами, к которым относишься как к живым существам? Зачем удерживать рядом с собой всех людей, каких встретил в своей жизни? Да, муж

был барахольщиком. Яна же периодически наводила в своей жизни порядок и выбрасывала все ненужное. Только так она могла двигаться дальше. В общем, из-за машины они почти поругались. Яна даже не ожидала, что он так заведется. Кстати, о машине...

– Машина, – сказала она.

– Что машина? – моментально среагировала свекровь.

– Где она?

– Не знаю. А где?

– И я не знаю, – медленно проговорила Яна.

– Может, на стоянке?

– Может. Только я не знаю, куда он ее обычно ставил.

– Надо обратиться в розыск, – деловито предложила свекровь.

– Зачем? – удивилась Яна.

– Пусть милиция поищет машину. Глядишь, и Диму найдут.

– Ага, – усмехнулась Яна, – найдут и повяжут. Потом будете его выцарапывать из каталажки. А когда выцарапаете, Дима на вас всех собак спустит за столь оригинальный способ розыска.

– Не спустит, – вяло сказала свекровь.

«Спустит, спустит, – подумала Яна, – только в свойственной ему манере. Корректно, почти ничего не говоря, пряча все свои мысли за ироническим прищуром».

– Ничего не происходило, – сказала она. – Ничего существенного. Все в пределах нормы.

– В пределах нормы, – проворчала свекровь. – Знаю я эту вашу норму.

Началось.

– Не важно, что вы там знаете, – сказала Яна. – Главное, что никаких серьезных размолвок у нас не было. Поэтому не о чем беседовать...

– Женщина... – тяжело вздохнув, изрекла свекровь.

Все, подумала Яна, пора ее гасить.

– Так, – сказала она. – Знаете, давайте завязывать. Мне работать надо.

– Значит, ничего делать не будешь? – еще раз уточнила свекровь.

– Нет, – отрезала Яна.

– Ладно... – Свекровь, не прощаясь, повесила трубку.

Вот моду взяла, рассердилась Яна, никаких тебе «до свидания» или хотя бы «пока». Расстроена. Неудивительно. Сынуля не поставил ее в известность о своих планах. Удар по материнскому самолюбию. Просто под дых. Ну, извините. Яна помочь ничем не могла. Честно сказать, и не хотела.

Пискнул мобильный. Эсэмэска. Яна бросила взгляд на дисплей. Артем. Разве они собирались сегодня встречаться? Вроде нет. Впрочем, он любит посылать ей эсэмэски по поводу и без оного.

«Ну что, нашлась твоя пропажа?» – писал он, пренебрегая запятыми.

Весело ему. Он всегда такой. Все бы ему резвиться. При любых обстоятельствах. Хотя... тем он и хорош. Тем он Яне, собственно говоря, и нравится. Но сейчас, ей-богу, не до него.

«Нет», – коротко ответила она и отложила мобильник.

* * *

«Нет», – прочитал Артем.

Любопытно, что у них там происходит? Янин мужик в бегах? Или просто уехал по делам, а Яна все на свете забыла? С нее станется. Артем еще пару секунд сидел за своим столом, вертел в руках телефон, затем встал и вышел из кабинета.

Он хотел увидеть Яну. Прямо сейчас. И направлялся теперь к ней.

– Доброе утро, – поздоровался с секретаршей.

– Здравствуйте. – Та с удивлением взирала на него.

Артем был здесь редким гостем. Так они с Яной договорились. Предпочитали пересекаться в офисе только на совещаниях. «Ни к чему это. Вполне можно найти другие способы», – сказала как-то Яна, и он с ней согласился. Но как бы то ни было, у замгенерального по региональным продажам вполне может найтись дело к финансовому директору. Артем скользнул по секретарше холодным взглядом и кивнул в сторону двери в Янин кабинет:

– У себя?

– Да, – ответила секретарша и потянулась к телефону.

– Не стоит, – сказал Артем. – Я сам. Добрый день, Яна Владимировна, – проговорил он, вступая в кабинет.

Яна с изумлением смотрела на него.

– Чему обязана? – резко спросила она.

– Как настроение? – Артем закрыл за собой дверь. – Как спали?

– Чему обязана? – повторила Яна.

– Зашел узнать, как дела. – Артем сделал несколько шагов и сел на ближайший к Яне стул.

– Мы же договорились. – Яна откинулась на спинку кресла.

– Ну, – улыбнулся Артем, – раз в год можно и отступить от правила. И все-таки, как настроение?

– Как обычно, – ответила Яна.

Артем внимательно рассматривал ее. Да уж, от обычного Яниного деловито-невозмутимого вида ничего в это утро не осталось. Лицо перекошенное, улыбка замороженная... И правая рука – он уже знал, что когда Яна нервничает, то легонько колотит пальцами по поверхности стола. Однажды он понял, что в этом постукивании есть какой-то ритм. Да, подтвердила тогда его догадку Яна, это ария Тореадора из оперы «Кармен», воспоминание из фортепианного детства, Яна до сих пор помнила порядок пальцев в этой короткой пьеске.

Яна была на взводе. И сама, похоже, этого не замечала. Думала, что прекрасно держится. Артем вздохнул.

– Что? – вскинулась Яна.

– Да так. – Он пожал плечами. – Что все-таки у вас случилось?

– Тебе это зачем? – фыркнула Яна.

– Яна, – Артем наклонился вперед и коснулся ее руки, – я тебе друг или кто?

– Ты?

Артем вздрогнул от неожиданности и выпрямился. Что прозвучало сейчас в ее голосе? Усмешка? Презрение? Да, любовники. Да, все начиналось с секса. У многих все так начинается. И по-разному продолжается. У них отношения давно вышли за рамки простого пересыпа. Во всяком случае, для него это было так. А

для Яны?

Пока ответа на этот вопрос он не находил. Яна – крепкий орешек. Но ничего, рано или поздно он ее расколет. Вот только обрадуется ли тому, что узнает?

– Ну, так что? – повторил он. – Что произошло-то?

Яна опустила глаза, помолчала пару секунд, потом пробормотала:

– Я лично считаю, что он в командировке, а вот свекровь думает, не ушел ли он куда...

– Что? – изумился Артем. – Куда?

– Я откуда знаю? – Яна подняла голову и хмуро посмотрела на него. – Он ничего не сказал. Просто исчез.

– Может, случилось что? – сказал Артем.

– Да уж, – поморщилась Яна, – обзвонили все, что можно.

Интересно, подумал Артем, кто звонил? Не Яна же.

– И вещей кое-каких нет, – добавила тихо Яна.

Да, подумал Артем, это не несчастный случай. Командировка? Правдоподобно, и все-таки...

– Телефон отвечает? – спросил Артем.

Яна отрицательно качнула головой.

Если ушел, мелькнула у Артема мысль, как-то по-хамски все обставил. Молча смылся. Да нет, что-то тут не так. Мужик Янин не производил впечатления человека, способного на такой демарш. Артему ни разу не довелось встречаться с ним, но это ничего не значило – Яниного мужа Артем знал как облупленного.

Никогда мужа его любовниц Артема не интересовали. Он считал так: ваша, дамы, семейная жизнь – это ваши личные проблемы, меня, пожалуйста, не втягивайте в них ни при каких обстоятельствах. И дамы его условия принимали. Или, вернее будет сказать, это Артем выбирал таких дам, которые условия приняли бы. Он не желал подвергать опасности свою семейную жизнь. Какой бы она ни была.

Но с Яной была совсем другая история. «Интересно, а что там за муж?» – однажды подумал Артем. Спустя пару недель он знал о Янином благоверном все. Нормальный мужик. Любящий супруг и отец. Все тащит на себе, пока Яна реализуется на службе. Такой будет с ней по гроб жизни. Наверняка прошел уже кризис, когда ему стало ясно, на ком он женился. Кризисы эти все обычно в первую пятилетку возникают, а Яниному браку уже шестнадцать лет. Нет, должен быть какой-то повод для ухода. Женщина. Другого пока Артему в голову не приходило.

– Давай поищу, – предложил Артем.

У него были возможности это сделать – друзья, связи. Она это отлично знала. Но только скользнула по нему прохладным взглядом и покачала головой:

– Спасибо, не надо.

– Почему?

– Не надо – и все.

Закрылась. Как обычно. Чуть-чуть приотворились двери, выглянула Яна с нормальным, человеческим лицом – и тут же опять спряталась обратно. Ни на секунду не может дать себе расслабиться. А если вдруг с ней это случается, тут же восстанавливает свой статус-кво, и перед вами – прежняя госпожа Вересова.

Бойтся, что если расслабится хоть чуток, все потеряет. Все, что добыто ценой невероятных усилий. Ведь блестящая преуспевающая Яна на самом деле обычный середнячок. Ей с трудом даются иностранные языки, у нее слабоватая память, да и скорость соображения тоже подкачала. Но никто об этом не подозревает. Потому что один талант у Яны все-таки есть – это талант к

самопрезентации. Недаром она восхищается Мадонной – та тоже так себе в смысле голоса и прочих способностей, но продавец самой себя – от Бога. Так и Яна. Все, что видели окружающие, – результат умелого построения ее собственного имиджа. За которым обычная среднестатистическая женщина. Которая совсем не умеет давать себе передышку. Артем вышел из Яниного кабинета обеспокоенный – так она долго не протянет, а ведь ей еще встречаться с Рыбкиным и, как его там, Свирским. Все, к чему она стремилась в последние годы, может полететь в тартарары. Черт, как все некстати!

Глава 8

Сестра свалилась как снег на голову. Лавина. Перед самым обедом дверь кабинета распахнулась и...

– Ну, здравствуй! – Маринка скользнула к столу, за которым Яна в который раз пыталась сосредоточиться на бюджете.

– Что? – Яна ошеломленно взирала на нее.

– Я... – заикаясь бормотала у двери секретарша, – пыталась...

Она пыталась! Нет, ни на что девица не годится. Конечно, задержать Маринку ей бы не удалось, но хотя бы предупредила, что надвигается буря.

– Ладно, – рявкнула Яна, – идите!

– Кофе, – обернулась к секретарше сестра, – со сливками и двумя кусочками сахара. И печений каких-нибудь.

– Мы не держим печенья, – буркнула Яна.

– Да брось ты, – подмигнула сестра, – наверняка у твоей замечательной помощницы все есть. Верно ведь, душечка?

– Ну, – замялась Олеся-Оксана, – в общем-то...

– А кто тебе сказал, что тебя тут будут поить кофе? – Яна продолжала мрачно смотреть на Марину. – Мне некогда.

– Интуиция, друг мой, – пропела сестра, усаживаясь в кресло по правую руку от Яны, – интуиция.

– Принесите все, что велено, – замороженным голосом сказала секретарше Яна.

Та скрылась с глаз в мгновение ока. Правда, через секунду вновь возникла на пороге.

– Ну, что там еще?

– А вам... – топталась секретарша, – что-нибудь...

– Да. Как обычно.

Секретарша кивнула и вновь исчезла, на этот раз окончательно. Яна перевела взгляд на сестру. Та сидела в кресле откинувшись на спинку и едва заметно улыбалась.

– Какими судьбами? – сухо спросила Яна.

– Соскучилась, – ответила сестра.

Яна поморщилась. Маринка в своем репертуаре. Несет всякий вздор.
«Соскучилась»! Кто ей поверит? Они с сестрой терпеть друг друга не могли.

– Ладно чушь-то пороть, – сказала Яна.

Сестра сделала удивленные глаза:

– Почему это чушь? Не могу соскучиться по сестренке?

Яна не мигая смотрела прямо ей в глаза. Маринка стерла с лица наигранное удивление и усмехнулась:

– Помечтать даже не дашь.

Ей всегда хотелось, чтобы они были не разлей вода. Вечно болтала о том, что близняшкам положено быть неразлучными, как пальцы на одной руке. Вечно донимала Яну расспросами: а что там у тебя, а как там у тебя? И вечно надоедала рассказами о собственной жизни. За школьные годы Яна так устала от нее, что уже не чаяла, когда сможет освободиться. Как только поступила в институт, сразу стала снимать квартиру. Пришлось подрабатывать для того, чтоб ее оплачивать, но Яна готова была и не на такие жертвы, лишь бы избавиться от Маринкиного присутствия в своей жизни.

– Неплохо тут у тебя. – Маринка обвела взглядом кабинет и одобрительно покивала. – Кто дизайнил?

– Что? – Яна непонимающе уставилась на нее.

– Дизайном кто, спрашиваю, занимался? – пояснила сестра.

Любила она придумывать всякие словечки. Идиотские по большей части.

– Кто-то, – буркнула Яна. – Я не знаю.

– Понятно, – улыбнулась Маринка. – Контора все заказывала?

– А что, бывает по-другому? – спросила Яна, бестолково вороша бумаги на столе.

«Зачем приперлась?» – вертелось у нее на языке. Денег попросить? Маринка любила перехватить у нее пару-тройку тысяч, отправляясь по магазинам. Вроде и кредитка у нее всегда с собой, причем с солидным балансом, но забежать и подзанять у сестры немножко наличности было для нее обычным делом. Любопытно, что Маринка деньги всегда отдавала, иногда – буквально на следующий же день. Зачем ей нужны были эти набеги на Янин кошелек, было совершенно непонятно, но заниматься поисками ответа на этот вопрос было некогда. А кроме того, многое в Маринкином поведении вообще не имело

никаких логических объяснений, возможно, и эти странности с деньгами тоже.

– Бывает по-другому, – проговорила сестра и погладила пальцами столешницу. – Хороший стол.

– Стол сама выбирала, – сказала Яна.

– Да что ты! – Сестра скользнула по ней насмешливым взглядом.

Дура, ругнула себя Яна. Зачем похвасталась? Перед кем? Перед этой язвой, которая мнит себя крутым специалистом в дизайне, а Яну считает в этом деле полным чайником? Дура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bystrova_irina/syurpriz-zakazyvali

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)